

В РИНГЕ ТВОЕГО СЕРДЦА

Амелия Франсеа

18+

Амелия Франсеа

В ринге твоего сердца

«Автор»

2026

Франсеа А.

В ринге твоего сердца / А. Франсеа — «Автор», 2026

Аннотация Скарлетт Вон — супермодель, которую пресса называет Ледяной Королевой. Она не верит в любовь и не собирается впускать кого-то в свою жизнь. Джейсон Кейн — боксёр, привыкший побеждать на ринге и за его пределами. Одна случайная встреча — и между ними вспыхивает то, что не поддаётся контролю. Они из разных миров, но скандалы, хейт и собственные страхи только сильнее связывают их. Им придётся решить, что важнее: репутация или чувства. Это история о страсти, которая сильнее гордости, о семье, которую можно выбрать, и о любви, не признающей правил.

© Франсеа А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эта книга посвящается тем, кто не побоялся полюбить, даже когда весь мир был против.	5
глава 1	6
глава 2 Джейсон	14
глава 3 Скарлетт	30
глава 4 Джейсон	52
глава 5 Скарлетт	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Амелия Франсеа В ринге твоего сердца

**Эта книга посвящается тем, кто не побоялся
полюбить, даже когда весь мир был против.**

И тем, кто верит, что даже после самых тёмных ночей наступает рассвет.

глава 1

Кисть скользит по скуле — мягко, почти невесомо, оставляя за собой дорожку полупрозрачной пудры, которая ловит свет и заставляет кожу светиться изнутри. Зеркало передо мной огромное, во всю стену, обрамлённое десятками тёплых ламп. Их свет заливает лицо ровным золотым сиянием, выхватывает каждую линию, каждый изгиб, каждую тень. В таком свете невозможно спрятаться — но мне и не нужно.

Визажист, худощавый мужчина с седыми висками и сосредоточенным лицом, наклоняется ближе. Его дыхание касается моей щеки, когда он оценивает результат под другим углом. Я слежу за его движениями в отражении — за тем, как подушечка безымянного пальца растушёвывает тени у внешнего уголка глаза, превращая мазок в дымку. Движения точные, выверенные, как у хирурга. Он знает моё лицо лучше, чем кто-либо из любовников. Знал, ещё до того, как я сама научилась понимать, какой свет меня убивает, а какой — возносит.

— Не двигайся, — говорит он тихо, почти не разжимая губ, словно боится спугнуть магию, которая сейчас рождается на моём лице. — Ещё минута.

Я подчиняюсь. Не потому, что должна, а потому, что мне нравится этот момент. Нравится неподвижность, которая разливается по телу, как густой мёд. Нравится ощущение, когда всё вокруг сжимается до одной-единственной точки — до кончика кисти, скользящего по моей

коже. В кресле пахнет пудрой, лаком для волос и чем-то цветочным, едва уловимым, что приносят с собой ассистентки, снующие по комнате с вешалками и коробками.

За спиной — гул. Гул гримёрной, наполненной десятками людей, которые двигаются, говорят, смеются, щёлкают зажигалками и телефонами. Но весь этот шум остаётся где-то на периферии, как приглушённый шум прибора. Я слышу его, но не выпускаю внутрь. Внутри — тишина. Та самая, которая бывает перед выходом. Не пустота, не страх, а звенящая, кристальная сосредоточенность, в которой каждый нерв натянут, как струна, и каждое ощущение становится ярче в десять раз.

Пальцы левой руки лежат на подлокотнике. Кожа кресла холодная, гладкая, слегка поскрипывает, когда я едва заметно меняю позу. Правая рука покоится на бедре, и под ладонью я чувствую шёлк халата — прохладный, скользящий, почти невесомый. Халат чёрный, с вышитыми на спине алыми розами, и он пахнет мной — той самой смесью морской соли, белых роз и сандала, которая остаётся на ткани даже после стирки.

Визажист отстраняется на пару сантиметров и шурится, разглядывая моё лицо так, как художник разглядывает холст перед последним мазком. Его рука с кистью висит в воздухе. Я вижу, как в отражении он медлит, выбирая точку. Вижу, как его губы шевелятся — он что-то считает про себя, прикидывает, высчитывает. А потом кисть касается уголка моего левого глаза, и я чувствую, как по коже растекается что-то прохладное, почти ледяное.

— Открой глаза, — просит он.

Я открываю. Свет ламп ударяет в зрачки, и на мгновение мир становится белым, пересвеченным, как перед вспышкой. А потом зрение привыкает, и я вижу себя.

Из зеркала на меня смотрит женщина, которую я знаю всю жизнь и одновременно не знаю вовсе. Мои волосы — платиновые, почти белые, с пепельным отливом — рассыпаны по плечам и спинке кресла. Они ещё не уложены, но уже выглядят так, будто их коснулся ветер: одна прядь падает на левую скулу, другая спускается на ключицу, остальные лежат тяжёлой волной, в которой переливаются серебряные и жемчужные блики. Кончики волос касаются изгиба локтя, и я чувствую их прохладу кожей — они всегда прохладные, сколько бы ламп ни горело вокруг.

Мои глаза в отражении — тёмный янтарь с зелёными искрами. Сейчас, под этим светом, они кажутся почти золотыми, как расплавленный мёд, в котором кто-то утопил крошечные изумруды. Визажист добавил на внутренние уголки каплю светлого пигмента, и от этого взгляд стал ещё более хищным, распахнутым, пронзительным. Ресницы — длинные, чёрные, загнутые вверх — отбрасывают тени на скулы, и в этих тенях прячется что-то опасное.

Он наклоняется снова, теперь с другой стороны, и кончиком пальца поправляет линию брови. Прикосновение лёгкое, как взмах крыла. Я чувствую, как по коже пробегает едва заметная дрожь — не от щекотки, а от сосредоточенности. От того, как всё во мне сейчас натянуто до предела.

— Хорошо, — шепчет он, и в его голосе звучит удовлетворение. — Идеально. Теперь губы.

Он разворачивается к столику, заставленному баночками, кистями и палитрами. Я смотрю, как его пальцы перебирают тюбики с помадами, выбирая нужный оттенок. Вокруг нас продолжает кипеть жизнь: девушка справа, с волосами цвета воронова крыла, громко смеётся чему-то, что показывает ей на телефоне подруга; за моей спиной кто-то уронил коробку, и по полу покатались катушки ниток; в коридоре послышался голос организатора, выкрикивающий чьё-то имя. Но всё это — как сцена из чужого фильма. Мой мир сейчас — этот круг света, это кресло, это зеркало и запах помады, который становится сильнее, когда визажист открывает тюбик.

Вишнёво-красный. Насыщенный, глубокий, почти чёрный в глубине тюбика, но на свету вспыхивающий алым, как свежая кровь на белой коже. Он поднимает кисть, проводит по поверхности помады, снимая ровный слой, и наклоняется к моему лицу.

— Расслабь губы, — говорит он.

Я подчиняюсь. Верхняя губа слегка вздрагивает, когда кисть касается её. Движение медленное, точное — он ведёт линию от уголка к центру, повторяя изгиб лука Купидона с той кропотливостью, с какой каллиграф выводит первую букву. Помада ложится ровно, плотно, впитывается в кожу и тут же меняет всё лицо. Я вижу, как с каждым мазком мои губы становятся ярче, тяжелее, наливаются цветом, который невозможно игнорировать. Нижнюю губу он прокрашивает одним движением, от правого уголка к левому, а потом снова возвращается к верхней, чтобы добавить каплю блеска в центр — туда, куда падает свет.

— Сожми губы, — командует он.

Я делаю это медленно, ощущая, как помада распределяется, как верхняя губа касается нижней, как цвет углубляется и становится ещё более алым. Вкус у помады почти неразличим, но есть запах — сладковатый, с нотками вишни и миндаля. Он заполняет ноздри, смешивается с пудрой и цветами, и я впервые за вечер вдыхаю его осознанно, полной грудью.

В отражении — лицо, которое кажется вырезанным из фарфора. Скулы, подсвеченные изнутри, стали ещё острее, ещё выше. Подбородок с ямочкой — чётче. Родинка на левой скуле, крошечная, как след от поцелуя, теперь кажется почти чёрной на светлой коже. И губы — алые, пухлые, с идеальной линией, которая притягивает взгляд и задерживает его дольше, чем дозволено приличиями.

Я смотрю в свои глаза. Они не улыбаются. Губы — да, они могут улыбнуться, если я прикажу. Но глаза остаются неподвижными, как у кошки перед прыжком. И это то выражение, которое я люблю больше всего. Выражение, с которым я выхожу на свет.

Визажист отступает на шаг, скрещивает руки на груди и окидывает меня долгим взглядом. В его глазах — гордость. Та, которую не нужно высказывать словами. Он сделал своё дело, и сделал блестяще. Я позволяю себе лёгкий кивок. Едва заметный. Достаточный.

— Скарлетт, — раздаётся за спиной, и я перевожу взгляд на отражение, не поворачивая головы.

В зеркале вижу, как сквозь толпу пробирается стилист — женщина лет сорока с вечной гарнитурой в ухе и планшетом, прижатым к груди. Её зовут Лора, и она знает, как превращать ткани в оружие.

— Пора готовиться к выходу, — говорит она, останавливаясь за моей спиной, так, что я вижу её лицо в зеркале. — Платье уже в примерочной.

Я встаю. Движение плавное, отточенное, как и всё, что я делаю в этих стенах. Халат соскальзывает с плеча, но я перехватываю его у локтя и поправляю, не глядя. Каблуков нет — я в мягких балетках, но даже в них мой рост заставляет окружающих чуть расступаться.

Пол холодный. Он покрыт серым линолеумом, по которому разбросаны обрезки тканей, пустые бутылки воды и смятые салфетки. Я ступаю осторожно, но не брезгливо — это обратная сторона красоты, её изнанка, и я давно к ней привыкла. Запах здесь плотнее: пахнет лаком, утюгом, распаренными тканями и десятками разгоряченных тел. Пахнет работой.

Мы пересекаем гримёрную, лавируя между креслами, вешалками и людьми. Кто-то уступает дорогу, кто-то провожает взглядом. Я не смотрю по сторонам, но чувствую их внимание кожей — оно липнет, как чужая пудра, и так же легко стряхивается.

Примерочная — крошечная комнатка, отделённая от общего пространства плотной чёрной шторой. Внутри — зеркало в рост, вешалка с платьем и маленький стул, на который я не сяду, чтобы не помнить то, что на мне. Лора уже расстегнула чехол и теперь отступает на полшага, давая мне увидеть платье целиком.

Оно чёрное. Кружево, шёлк и что-то полупрозрачное, что струится от лифа к полу, как дым. Верх — корсет с тонкими бретелями, расшитыми мелкими кристаллами, которые сейчас ловят свет от одинокой лампочки и рассыпают его по стенам мелкими иглами. Юбка — длинная, тяжёлая, с разрезом, который начинается высоко на бедре и уходит вниз, к самому краю. На талии — тонкая серебряная нить, которая, я знаю, будет холодной на коже.

Я снимаю халат и остаюсь в белье — чёрном, кружевном, едва заметном под одеждой. Лора подаёт мне платье, и я захожу в него, как входят в воду: медленно, позволяя ткани обнять бедра, талию, грудь. Шёлк холодный, скользкий, но быстро нагревается от тела. Лора застёгивает корсет за спиной, и с каждым крючком он сжимается всё плотнее, пока не превращается во вторую кожу. Дышится не то чтобы легко — но это правильная тяжесть. Та, которая держит осанку и не даёт сутулиться, даже если усталость когда-нибудь решит подкрасться.

— Повернись, — просит Лора.

Я поворачиваюсь к зеркалу. Из него на меня смотрит та, ради кого всё это затевается. Платье струится по телу, подчёркивая каждую линию, каждый изгиб. Кристаллы на бретелях перемигиваются с моими глазами. Волосы всё ещё рассыпаны, но именно так и задумано — свободная волна, живая, дышащая. В паре мест Лора поправляет складки, и они ложатся так, будто их нарисовали.

— Обувь, — она ставит передо мной пару чёрных туфель на высокой шпильке.

Я захожу в них, и мир приподнимается на двенадцать сантиметров. Становится острее. Спина выпрямляется сама, плечи распахиваются, подбородок вздёргивается ровно настолько, чтобы шея стала лебединой, а ключицы — бездонными.

За шторой — снова гул. Громче, нетерпеливее. Где-то далеко, в конце коридора, рокошет музыка. Сначала глухо, как гром за холмом, потом ближе, проникая сквозь стены и вибрируя в полу, в костях, в кончиках пальцев. Я слышу, как выкрикивают имена. Слышу, как аплодисменты вспыхивают и затихают, сменяясь новым битом.

Лора отступает к выходу и откидывает штору. В лицо ударяет свет — яркий, резкий, совсем другой, чем в гримёрной. Он пахнет металлом и жаром софитов. Я делаю шаг. Потом ещё один.

Впереди — тёмный проём, за которым — подиум.

И я выхожу.

Свет софитов остался за спиной, но его жар ещё живёт на коже — на плечах, на ключицах, на том месте, где ткань платья расходилась по бедру, открывая ногу при каждом шаге. Я чувствую его, как чувствуют след от чужого прикосновения: невидимый, но всё ещё присутствующий. В ушах ещё стучит бит, под который я шла по подиуму, — глубокий, пульсирующий, будто второе сердце, бьющееся где-то в полах, в стенах, в воздухе. Музыка уже стихла, но тело помнит её, и кровь всё ещё бежит в ритме басов.

Мы возвращаемся за кулисы, но это уже не то сосредоточенное, нервное место, каким оно было за час до показа. Теперь оно взорвано, распахнуто, наэлектризовано до предела. Люди кричат, смеются, обнимаются, хлопают друг друга по спине, по плечам, по голым рукам. Девушки, ещё не успевшие снять наряды, кружатся между вешалками, как яркие птицы, и ткани — шёлк, шифон, органза, бархат — взлетают за ними, вспыхивая в свете ламп. Кто-то плачет, прижимая ладони к лицу, и это слёзы облегчения, а не боли. Кто-то хохочет так, что эхо отскакивает от бетонного потолка. Гримёрная гудит, как улей, разогретый изнутри.

Я снимаю туфли. Это первое, что я делаю, стоит только оказаться за шторой, в том маленьком закутке, который был моим на время показа. Каблуки касаются пола с глухим стуком, и ступни с тихим вздохом принимают свободу. Пол прохладный, и я на мгновение замираю, ощущая, как от пяток к пальцам расходится облегчение. Затем встаю на цыпочки, разминая стопы, и медленно перекатываюсь с пятки на носок, чтобы снова почувствовать равновесие. Рядом Лора уже расстегнула платье, и теперь оно сползает с плеч, скользит по груди, по талии, по бёдрам и мягко оседает у моих ног чёрной лужей. Я переступаю через него, оставаясь в чёрном кружевном белье, и в этот момент кто-то откидывает штору — видимо, случайно, не подумав, — но я не одёргиваюсь и не прикрываюсь. Здесь, за кулисами, нагота — рабочая форма, и она не значит ничего. Во всяком случае, для меня.

— Скарлетт! — кричит кто-то сзади, и я оборачиваюсь.

Ко мне, расталкивая воздух, несётся Ирис — высокая блондинка с волосами, завитыми в тугие голливудские волны, и с бокалом шампанского в каждой руке. Один бокал она суёт мне, даже не спрашивая. Пузырьки уже поднялись к кромке и теперь лопаются о стекло кро-

печными искрами. Я беру бокал, и прохладное стекло ложится в ладонь. Ножка тонкая, и я сжимаю её пальцами, ощущая, как вибрация от чужой радости передаётся мне.

— Ну что, подруга, — ухмыляется Ирис, поднося свой бокал к моему, — мы снова порвали этот подиум. Ты видела, как они смотрели?

— Видела, — отвечаю я, и это правда.

Я видела. Видела первый ряд, где сидели критики с ледяными лицами, которые так и не смогли сдержать восхищения. Видела блеск камер, вспышки, летящие со всех сторон, как серебряные пули. Видела, как в четвёртом ряду какая-то женщина прижала ладонь ко рту, когда я остановилась на повороте и посмотрела прямо в зал. Ирис права: этот показ был разгромом. Только не в военном смысле — а в смысле полного, безоговорочного триумфа.

Бокалы сходятся с мелодичным звоном, который тут же тонет в общем шуме. Я делаю глоток. Шампанское ледяное, колкое, оно проходит по гортани тысячей крошечных иголок и тут же мягко растекается внутри, отдавая яблоком, мёдом и дрожжевой горечью. Вкус праздника. Я делаю второй глоток, уже медленнее, позволяя пузырькам лопаться на языке, а прохладе — спускаться ниже, к груди, к животу.

— Слава богу, это закончилось, — выдыхает Ливия, высокая мулатка с остриженными до висков волосами и красной помадой, которая уже успела чуть смазаться в уголке рта. Она скидывает с плеч розовый жакет и бросает его на спинку кресла, не глядя, попал ли он. — Я, кажется, забыла, как дышать, когда прошла второй круг.

— Ты забыла, как дышать, ещё на репетиции, — смеётся Грета, миниатюрная ирландка с фарфоровой кожей, на которой рассыпаны веснушки, как золотая пыльца. — Но на подиуме это смотрелось гениально. Все подумали, что ты загадочная и отстранённая.

— Я и была загадочная! — Ливия возмущённо взмахивает рукой, едва не задев локтем проходящего мимо ассистента. — Загадочно пыталась не свалиться с этих каблуков, которые выше моей квартиры.

Смех взрывается вокруг, как новогодний фейерверк. Мы стоим в узком проходе между двумя рядами вешалок, и вокруг нас кипит праздник. Пахнет шампанским, сладковатым дымом чьей-то сигареты, пудрой и разгорячённой кожей. Где-то в глубине гримёрной включили музыку — теперь уже не подиумную, а другую, свободную, дикую, под которую хочется двигаться, а не шагать по прямой. Я слышу, как несколько девушек начинают подпевать, и их голоса, хоть и нестройные, звучат по-настоящему счастливо.

Кто-то берёт меня за руку. Я оборачиваюсь — это Марго, француженка с каштановыми локонами и глазами цвета тёмного шоколада. Она улыбается, и в этой улыбке — вся лёгкость, какая только может быть после удачного показа.

— Ты была великолепна, — говорит она, сжимая мои пальцы. — Даже по меркам обычного твоего блеска. Сегодня что-то было иначе. Ты будто светилась.

— Это пудра с мерцанием, — отшучиваюсь я, но уголки моих губ сами приподнимаются.

— О, брось, — отмахивается она, и её смех вливается в общий гул, как ручей в реку. — Я стояла за тобой перед выходом и видела, как ты выпрямила спину. Ты не просто шла. Ты владела этим подиумом.

Я делаю ещё один глоток шампанского. Пузырьки на этот раз мягче, теплее, они словно впитываются в язык, оставляя послевкусие белого персика. Вокруг нас продолжают двигаться люди. Ассистентки снимают с вешалок костюмы, уносят коробки, сматывают провода. Дизайнер, пожилой итальянец в чёрном свитере, пробирается сквозь толпу, пожимая руки моделям, целуя воздух возле щёк, восклицая что-то на смеси итальянского и английского. Его глаза блещут. Он счастлив. Мы все счастливы.

— Внимание! — раздаётся голос откуда-то со стороны входа. — Общее фото через десять минут. Все, кто в финальных образах, — собираемся у задника!

По гримёрной проносится волна движения. Девушки поправляют причёски, разглаживают юбки, подкрашивают губы на ходу, глядя в маленькие зеркала. Я ставлю бокал на столик — стекло касается стекла, и звук на миг вырывается из общего шума, как одинокая нота. Лора уже рядом, с моим платьем в руках, и я снова шагаю в него, ощущая, как шёлк обнимает тело. На этот раз быстрее, привычнее, без той торжественной медлительности, что была перед выходом.

Мы выходим в главный зал. Там всё ещё пахнет софитами — разогретой пылью и металлом. Подиум пуст, но его свет не выключен, и я иду по нему вместе с остальными, чувствуя, как жар снова ложится на плечи. Мы собираемся у задника, встаём в несколько рядов, и фотографы уже поднимают камеры. Вспышки бьют часто-часто, как пульс, и я смотрю прямо в объективы, не щурясь, не отводя взгляда.

Ирис встаёт рядом, кладёт руку мне на талию. С другой стороны прижимается Ливия, и её волосы щекочут моё плечо. Грета улыбается так, что видны все зубы, и даже Марго, обычно сдержанная, позволяет себе показать язык. Вспышки вспыхивают снова и снова, выхватывая нас из света, замораживая мгновение, в котором мы все — победительницы. В котором усталости не существует, а есть только блеск, смех и лёгкое головокружение от шампанского, выпитого на пустой желудок.

Потом снова — гримёрная. Я снимаю платье во второй раз, и теперь оно падает на пол, как отыгравший свою роль костюм. Лора подаёт мне чёрный шёлковый халат, и я завязываю пояс, чувствуя, как ткань скользит по коже, остывающей после софитов. Шампанское ещё не выветрилось, но я не позволяю ему взять верх — только лёгкое тепло в животе и приятная расслабленность в плечах.

— Скар! — зовёт Грета, и в её голосе звенит азарт. — Иди к нам! Мы тут как раз обсуждаем, что лучший показ за сезон нужно отметить как следует.

Я оборачиваюсь. Она сидит на подлокотнике кресла, поджав под себя одну ногу, и машет мне рукой. Рядом с ней — Ливия с бокалом, Ирис, которая уже успела распустить одну из своих голливудских волн, и Марго, листаящая что-то в телефоне, но при этом улыбающаяся общему разговору.

Я подхожу. Они расступаются, освобождая мне место, и я опускаюсь в кресло, закидывая ногу на ногу. Халат распахивается на бедре, и я не поправляю его. Здесь, среди своих, можно позволить себе быть свободной.

— За нас, — говорит Ирис, поднимая бокал.

— За нас, — повторяем мы, и пять бокалов сходятся в центре с тонким звоном.

Я пью. Совсем немного, но с удовольствием. Смотрю на их лица — покрасневшие, счастливые, без масок, — и чувствую, как внутри разливается что-то тёплое, чему я редко позволяю выходить наружу. Это не шампанское. Это не гордость. Это что-то вроде благодарности к моменту, который не повторится, но останется со мной.

Музыка в гримёрной сменилась на что-то медленное, тягучее, и несколько девушек в углу начинают танцевать, покачивая бёдрами, запрокидывая головы. Кто-то хлопает в ладоши в такт. Кто-то подпевает. Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю на это всё, и на моих губах — лёгкая улыбка. Та самая, с которой я умею не только побеждать, но и жить.

глава 2 Джейсон

Запах пота, кожи и канифоли висит в воздухе, как плотная пелена. Он въедается в ноздри, оседает на языке, смешивается с металлическим привкусом крови, который я ещё не пролил, но уже чувствую. Раздевалка гудит, как растревоженный улей, но все звуки доходят до меня приглушённо, словно через толщу воды. Я сижу на скамье, уперев локти в колени, и смотрю в пол. Бетон под ногами холодный, серый, исцарапанный сотнями бутс, и я замечаю каждую трещинку, каждую выбоину, каждое тёмное пятно, которое кто-то оставил, пролив воду или, может, что похуже.

Костяшки обмотаны бинтами. Пальцы сжимаются в кулак, потом медленно разжимаются, и я наблюдаю, как белая ткань натягивается на суставах, как она ходит туда-сюда, повторяя движения мышц. Пахнет свежим бинтом — хлопком, аптечной стерильностью, но уже снизу пробивается другой запах: разогретой кожи, которая готовится к бою. Тренер что-то говорит. Его голос раздаётся где-то слева, но я не оборачиваюсь. Я слышу каждое слово, но не цепляюсь за них. Они не нужны мне сейчас. Внутри — тишина, и я берегу её.

В дверь стучат. Потом ещё раз, настойчивее. Кто-то из команды встаёт, открывает, и в раздевалку врывается гул арены — обрывки криков, свист, чей-то хриплый смех, ударные ритмы, которые играют из динамиков. Этот звук ударяет по нервам, как электрический разряд. Я поднимаю голову. Свет из коридора режет глаза, но я не шуюсь. В дверном проёме — силуэт парня в наушниках, который машет рукой, показывая, что пора. Я встаю.

Тело отзывается мгновенно. Мышцы уже разогреты, ноги пружинят, плечи расправляются сами. Я делаю несколько шагов по раздевалке, и пол под ботинками отзывается глухим эхом. Сердце бьётся ровно, но глубоко, как барабан, по которому ударяют мягкой колотушкой. Я не гоню его. Я позволяю ему набирать темп постепенно, вместе с приближением к рингу.

Выхожу в коридор. Здесь уже холоднее, и кожа мгновенно покрывается мурашками. Стены бетонные, выкрашенные в тусклый серый, под потолком тянутся трубы и пучки проводов. Пахнет сыростью и старым железом. Мы идём молча — тренер, катмен, пара людей из зала. Их шаги раздаются за моей спиной, но я не оборачиваюсь. Впереди — проём, за которым разливается свет арены. Оттуда несётся рёв, похожий на дыхание огромного зверя, который уже почуял добычу.

Ещё несколько метров — и я выхожу в зал. Меня встречает стена звука. Она накатывает со всех сторон, давит на барабанные перепонки, проникает в грудь, в живот, в кости. Трибуны гудят, как прибой, и в этом гуле я различаю отдельные голоса: кто-то скандирует моё имя, кто-то свистит, кто-то просто орёт, выплёскивая адреналин, который накопился за время ожидания. Свет прожекторов бьёт в глаза, и я опускаю взгляд на пол, на чёрный ковёр, по которому иду. Он мягкий, пружинящий, но каждый шаг отдаётся в икрах.

Я поднимаю руку. И тут же трибуны взрываются. Волна звука становится выше, плотнее, она накрывает с головой, и я позволяю себе на секунду вдохнуть её, как воздух перед прыжком. Где-то там, на верхних рядах, я знаю, сидят мои. Я не вижу их лиц, но чувствую их. Чувствую, как они вскакивают, как хлопают, как кричат так, что срывают голоса. Это не просто поддержка. Это своё. Это те, кто знает, чего мне стоил этот путь, и кто не отвернётся, даже если я упаду. Хотя падать я не собираюсь.

Подхожу к рингу. Канаты блестят в свете софитов, как натянутые струны. Я касаюсь их ладонью, чувствую холодный, грубый материал, и перешагиваю внутрь. Пол под ногами жёсткий, обтянутый тяжёлым покрытием. Он слегка пружинит, но это обманчивая мягкость. Я делаю круг, разминая шею, встряхивая руки. Толпа продолжает шуметь, но теперь этот звук становится для меня фоном, как шум дождя за окном. Я сосредотачиваюсь.

В углу ринга меня ждёт кап. Беру её, ощущая во рту холодный привкус силикона. Сжимаю зубы. Потом смотрю на тренера. Он стоит за канатами, в тёмной футболке и с полотенцем на плече. Его глаза — спокойные, сосредоточенные. Он не говорит ничего лишнего. Только кивает. И я киваю в ответ.

Противник уже в другом углу. Я не смотрю на него. Пока не нужно. Вместо этого я поднимаю глаза к трибунам. Туда, где мелькают телефоны, флаги, чьи-то руки. Секунда — и я нахожу их. Майк, который сложил ладони рупором и что-то орёт, но слова тонут в общем шуме. Рэй, стоящий на ногах и хлопающий так, что его ладони наверняка уже красные. Кэм,

который держит над головой плакат с моим именем. И рядом с ними — остальные. Мои. Я не улыбаюсь. Но внутри что-то сжимается — тепло, остро, как глоток виски на морозе.

Судья выходит в центр. Он что-то говорит, показывает знаки. Я слушаю, но не вслушиваюсь. Я знаю правила. Они вшиты в меня с детства. Бокс — это не просто драка. Это шахматы, где цена ошибки — кровь. Я знаю, что делать. Знал ещё до того, как вошёл в зал.

Раздаётся гонг. Его звук бьёт по нервам, как удар хлыста. Всё внутри подбирается, сжимается в тугую пружину. Я выхожу в центр. Противник — высокий, жилистый, с длинными руками, которые он держит низко. В его глазах нет страха. Только злая сосредоточенность. Он уверен в себе. Это хорошо. Мне не нужны лёгкие бои.

Первый раунд — разведка. Мы кружим друг напротив друга, как два зверя, которые ещё не решили, кто здесь главный. Я чувствую его взгляд, чувствую, как он прикидывает расстояние, как следит за моими ногами. Его левая рука летит вперёд — пробный джеб. Я ухожу вправо, и его кулак рассекает воздух в сантиметре от моего плеча. В ответ — короткий удар по корпусу. Не сильно, но точно. Он хмыкает, и я вижу, как в его глазах вспыхивает злость.

Толпа ревёт. Я не слышу слов, только сплошной гул, который поднимается откуда-то снизу, от пола, от стен, от самих трибун. Он резонирует с ударами моего сердца, и на секунду я теряю границу между внешним шумом и внутренним ритмом. Но только на секунду. Потом снова — тишина. Та самая, в которой я слышу только его дыхание, скрип его ботс и свист его перчаток.

Он бьёт снова. На этот раз серия: левый-правый-хук. Я принимаю первый на перчатку, ухожу от второго и ловлю его корпус жёстким апперкотом. Попадание чистое. Я чувствую, как его мышцы сжимаются под ударом, слышу короткий выдох, сорвавшийся с его губ. Он отступает на шаг, и я иду за ним. Теперь моя очередь.

Мои удары тяжелее. Я вкладываю в них не только силу, но и расчёт. Каждый выброс руки — как ход на шахматной доске: точный, продуманный, не оставляющий лишнего пространства. Правый прямой ложится ему в плечо, левый — в рёбра. Он закрывается, но я нахожу бреши. Бокс — это не про мышцы. Это про то, кто быстрее думает. А я думаю быстро.

В углу слышу тренера. Он что-то кричит, но я не разбираю слов. Я и так знаю, что он хочет сказать. Держи центр. Не давай ему дышать. Работай по корпусу. Я и так это делаю. Удары идут один за другим, и противник начинает уставать. Я вижу это по его ногам, которые тяжелеют, по тому, как он всё чаще прижимается к канатам, по тому, как его дыхание становится хриплым. Но он держится. Держится крепко.

Пятый раунд. Я выхожу из угла с одним желанием: закончить. Усталость есть, но она где-то далеко, за стеной адреналина. Я её не чувствую. Я чувствую только ритм, в котором двигаюсь, и цель, которая всё ближе. Он снова бьёт — размашистый, отчаянный, как у человека, который уже не думает, а просто выбрасывает руки. Я ухожу под удар и бью в ответ. Правый боковой — точно в висок. Он замирает на мгновение, как будто выключенный. Потом его глаза закатываются, и он начинает падать. Медленно, некрасиво, как подкошенное дерево. Пол под ним гудит. Толпа взрывается.

Я отхожу в сторону, не глядя на него. В ушах — звон. Он тонкий, пронзительный, но не мешает. Я дышу. Воздух врывается в лёгкие, как ледяная вода. Пот заливает лоб, щиплет глаза. Грудь ходит ходуном, но я стою ровно. Судья считает. Я слышу его голос, как будто издалека. Раз. Два. Три. Противник не встаёт.

Всё. Конец.

Ко мне бросаются. Тренер, катмен, кто-то из команды. Они обнимают, хлопают по плечам, что-то кричат. Я снимаю перчатки, и кто-то суёт мне в руки бутылку с водой. Вода ледяная, она проливается на подбородок, на грудь, но я не обращаю внимания. Пью. Потом выливаю остатки на голову. Холодно. Хорошо.

Смотрю на трибуны. Мои уже не сидят на местах. Они стоят, машут руками, кричат так, что их лица красные, как флаги. Кэм скандирует что-то, размахивая своим плакатом. Майк сложил ладони рупором, и теперь я слышу его голос, прорвавшийся сквозь общий гул:

— Молот! Молот! Молот!

И остальные подхватывают. Сначала несколько человек, потом десятки, потом весь зал. Этот ритм — как второй гонг, как удар моего сердца, который разросся и заполнил собой всё пространство. Я поднимаю руку вверх, сжатую в кулак. Толпа ревёт ещё громче.

Я смотрю на свои бинты. На правой — пятно. Кровь. Не моя. Я сжимаю кулак и разжимаю. Пальцы слушаются. Хорошо. Значит, всё, что нужно, я сделал.

У выхода из зала меня снова останавливают. Камеры, микрофоны, вспышки. Кто-то задаёт вопросы, но я не отвечаю. Я просто прохожу мимо, чувствуя, как пот остывает на коже, как мышцы начинают ныть, как тело возвращается из боя обратно в обычную жизнь. Это приятная боль. Боль победителя.

Мои ждут в коридоре. Майк первым подходит, хлопает меня по плечу так, что я едва не качаюсь. Рэй обнимает, не обращая внимания на то, что с меня течёт пот. Кэм всё ещё держит плакат, но уже сложенный пополам.

— Ну ты и зверь, — говорит Майк, качая головой. — Я думал, он тебя достанет в третьем. А ты его выключил, как свет.

— Он сам себя выключил, — отвечаю я. — Слишком много хотел и слишком мало думал.

Они смеются. Их смех тёплый, живой, и он разгоняет остатки звона в ушах. Я позволяю себе короткую улыбку.

Горячая вода бьёт в затылок, стекает по шее, по плечам, по спине. Я стою, уперев ладони в кафельную стену, и смотрю вниз, на то, как вода собирается у ног и уходит в решётку, унося с собой пот, бинтовую пыль и чужую кровь, которая успела высохнуть на костяшках. Пар поднимается к потолку, заволакивает тесную душевую, и в этом влажном мареве всё становится глуше: звук льющейся воды, моё дыхание, далёкий гул арены, который всё ещё стоит в ушах, как послезвучие гонга.

Я поворачиваюсь спиной к воде. Струи бьют между лопаток, растекаются по плечам, и мышцы, которые ещё пару минут назад были сжаты до каменной твёрдости, начинают отпускать. Тяжесть уходит медленно, пластами, как остывает сталь. Закрываю глаза. Вода шумит, и этот шум заменяет всё: крики трибун, голоса в коридоре, даже мои собственные мысли. Я просто стою и дышу. Вдох — пар, выдох — тишина. Вдох — вода, выдох — пустота.

Потом беру мыло. Жёсткий кусок скользит в ладони, пенится плохо, но запах у него чистый, резкий, почти аптечный. Я прохожусь по рукам, по груди, по животу. Пена стекает вниз, туда, где вода уже подбирается к щиколоткам. Кожа под мылом скрипит, и это звук чистоты. Нужный, правильный. Бой закончен. Теперь — смыть его.

Стою под водой ещё минуту, другую. Потом выключаю кран. Тишина. Только капли ссыкаются с тела и звонко бьют по кафелю. Я выхожу в предбанник, беру с полки полотенце — белое, жёсткое, пахнет порошком. Провожу им по лицу, по волосам, по плечам. Ткань напитывается влагой, темнеет. Потом оборачиваю полотенце вокруг бёдер и иду к шкафчику.

Раздевалка уже не гудит. После боя она выдыхает, как и я. Пахнет разогретым телом, нашатырём, чьим-то дезодорантом и холодным потом чужих ожиданий. Кто-то из парней разговаривает вполголоса в углу, но я не вслушиваюсь. Я открываю дверцу, достаю чистую одежду. Чёрная футболка. Тёмные джинсы. Носки. Всё простое, мягкое, не жмёт. Одеваюсь не спеша, чувствуя, как ткань ложится на влажную кожу, как джинсы обхватывают бёдра, как футболка прилипает к спине, где я не до конца вытерся. Мелочи. Сейчас они кажутся даже приятными.

Сажусь на скамью, чтобы надеть обувь. Шнурки приходится затягивать дважды — пальцы ещё не отошли после боя, двигаются чуть медленнее, чем обычно. Я не тороплюсь. Тишина в раздевалке — густая, как сизый дым. Хорошо.

— Кейн.

Голос раздаётся от двери. Я не поднимаю головы. По звуку шагов — мягких, но уверенных, — узнаю. Это Марк, мой менеджер. Он подходит ближе и останавливается в паре шагов, сунув руки в карманы брюк. На нём серая рубашка, закатанная до локтей, и туфли, начищенные до блеска. Даже после двухчасового перелёта и вечера на арене он выглядит так, будто вышел из офиса. Марк вообще не умеет мяться.

— Хороший бой, — говорит он. — Быстро. Но я бы не назвал это «лёгким».

— Легко не бывает, — отвечаю я, затягивая второй шнурок.

— Знаю. Но сегодня ты был особенно хорош.

Встаю. Полотенце скомкано и брошено в корзину. Я открываю шкафчик, забираю телефон, ключи, бумажник. Всё, что было со мной. Вещей немного — не люблю таскать лишнее.

Марк не уходит. Я чувствую его взгляд на своём затылке. Это взгляд человека, который не привык перебивать, но умеет ждать. А ещё — взгляд человека, у которого в голове уже давно сложился план, и он пришёл, чтобы озвучить его.

— У тебя через два дня вечер свободен, — начинает он.

Я оборачиваюсь. Марк стоит, прислонившись плечом к дверному косяку, и смотрит на меня с тем самым выражением, какое у него бывает, когда он собирается предложить нечто, от чего я, по его мнению, не смогу отказаться.

— Смотря для чего.

— Для Нью-Йорка.

Я выпрямляюсь. Дверца шкафчика захлопывается с глухим стуком.

— Нью-Йорк? — переспрашиваю.

— Да. Через два дня там модный показ. Серьёзное мероприятие. Дизайнер — Донателла Ривз. Слышал о ней?

Я засовываю телефон в задний карман джинсов. Не отвечаю. Во-первых, мне всё равно, как зовут дизайнера. Во-вторых, слово «модный» уже режет слух.

— Не слышал, — говорю. — И не горю желанием слышать.

Марк улыбается. Сдержанно, уголком рта. Он давно привык к моей первой реакции. Я вижу, как он отталкивается от косяка и делает шаг вперёд, сокращая дистанцию. Теперь он стоит в метре от меня, и запах его туалетной воды — древесный, с чем-то цитрусовым — смешивается с запахом моего мыла.

— А придётся, — мягко, но твёрдо говорит он. — Дело не в твоём желании, Джейк. Дело в контракте.

Я хмурюсь. Ловлю его взгляд и держу. Он не отводит.

— Что за контракт?

— Тот самый, по которому ты получаешь экипировку, медиаподдержку и бонусы. Пункт седьмой: участие в имиджевых мероприятиях. Ты его подписывал.

— Я не помню пункта про показ мод.

— А он есть. Называется «представительские активности». Модные шоу туда входят так же, как и приёмы, и гала-ужины.

Я отворачиваюсь, беру с полки спортивную сумку, начинаю складывать грязную форму. Двигаюсь спокойно, но внутри поднимается глухое раздражение. Не такое, как в бою, другое. Тянучее, как холодная змея, которая обвивает рёбра.

— И что мне там делать? — спрашиваю, не глядя на него.

— Сидеть. Смотреть. Быть.

— Быть?

— Да. Ты лицо нашего бренда. А лицо должно появляться там, где его увидят нужные люди. Спортивный клуб хочет, чтобы ты был на этом показе. Спонсор приглашает. Отказ — плохая идея.

Я застёгиваю сумку. Молния идёт туго, и я дёргаю её резче, чем нужно. Металлический звук разносится по раздевалке. Марк молчит, но я знаю, что он смотрит. Ждёт, когда я пере-
варю.

— Надолго?

— Один вечер. Прилетаешь за день до показа. Или утром в день показа — как тебе удобнее. Гостиница оплачена. Стилист тоже.

— Стилист? — я поворачиваюсь. — Ты серьёзно?

— Абсолютно. Костюм подберут, приведут в порядок. Ты не можешь прийти на показ в тренировочной футболке, Джейк. Хотя она тебе идёт.

Он улыбается, но я не поддерживаю. Вместо этого прохожу мимо него, к двери. Останавливаюсь на пороге и оборачиваюсь.

— Если я поеду, это не значит, что я буду улыбаться фотографам.

— Улыбаться не обязательно. Достаточно, чтобы ты был там. И не выглядел так, будто хочешь сбежать.

Я усмехаюсь. Коротко, без веселья.

— Посмотрим.

— Это не «посмотрим», Джейк. Это «да». Ты едешь.

Я не отвечаю. Выхожу в коридор. Под ногами — серый бетон, пахнет ареной: железом, пылью и электричеством. Где-то далеко, за поворотом, всё ещё шумят последние зрители, расходятся по улицам. Их голоса отдаются эхом. Я иду вперёд, и Марк идёт рядом, не отставая.

— Я пришлю детали, — говорит он, не глядя на меня. — Время рейса, адрес отеля, координаты стилиста. Показ в пятницу. Явка — обязательно.

— Как всегда, — бормочу я.

— Как всегда, — эхом отзывается он.

Мы выходим на улицу. Ночной воздух ударяет в лицо — прохладный, влажный, пахнет свежим асфальтом и бензином. Дождь закончился, но на дороге ещё блестят лужи. Я останавливаюсь, вдыхаю полной грудью. Ночь пахнет свободой. И почему-то — чужим городом, который уже зовёт меня, даже если я не хочу слышать.

Друзья находят меня у выхода. Сначала слышу их — голоса, которые невозможно спутать ни с чьими, — а потом вижу, как они выворачивают из-за угла, гремя подошвами по бетону. Майк впереди, взъерошенный, с расстёгнутой до середины груди рубашкой, за ним Рэй с бутылкой воды, которую он так и не допил, и Кэм, который всё ещё сжимает в руке сложенный плакат.

— Вот ты где, — выдыхает Майк, останавливаясь в шаге. — Мы думали, ты уже смылся.

— Смылся бы, если бы не вы, — отвечаю я, и в голосе, кажется, проскальзывает усмешка. Усталость придавила плечи, но при виде этих троих она отступает на полшага.

Рэй хлопает меня по плечу. Ладонь у него тяжёлая, тёплая. От него пахнет трибунами — попкорном, пролитой газировкой и тем особенным азартом, который остаётся на коже после чужих криков.

— Ты сегодня был как чёртова машина, — говорит он, качая головой. — Я орал так, что у меня в ушах до сих пор звенит.

— А я сорвал голос, — добавляет Кэм, и правда: его голос звучит ниже и с хрипотцой, как будто он вчера пил горячий виски с перцем.

Мы выходим на улицу. Ночь встречает влажным воздухом и запахом мокрого асфальта. Я вдыхаю полной грудью. Лёгкие расправляются, как после долгой задержки дыхания. Мы останавливаемся у низкого бетонного ограждения, за которым раскинулась парковка. Машины блестят под фонарями, и в лужах отражаются вывески. Хорошо. Тихо, если не считать наших голосов.

— Ты домой? — спрашивает Майк.

— Домой.

— Давай подбросим.

Я качаю головой. Не потому, что не хочу их видеть. Просто мне нужно остаться одному. После боя всегда так: чем больше вокруг людей, тем дальше я возвращаюсь в себя. А тишина помогает быстрее.

— Сам, — говорю. — Хочу проветриться.

Они понимают. Майк кивает, Рэй протягивает руку, и яжимаю её, чувствуя, как его ладонь сжимается вокруг моей. Кэм просто говорит:

— Береги себя, Молот.

Я киваю. Потом они уходят к машине, а я остаюсь. Поднимаю воротник толстовки, засовываю руки в карманы и шагаю через парковку к своей машине.

Внутри пахнет кожей и чем-то едва уловимым — моей туалетной водой, которая осталась на сиденье после прошлой поездки. Я опускаюсь в кресло, и тело наконец расслабляется. Двигатель заводится мягко, с низким, почти звериным рокотом. Я кладу ладони на руль и несколько секунд просто сижу, глядя на капли дождя, расплывающиеся по лобовому стеклу.

Потом выезжаю. Город горит огнями, но к центру становится тише. Дорога стелется под колёса, как чёрная лента. Я веду без музыки. Слушаю, как шуршат шины по мокрому асфальту, как дышит мотор, как тихо потрескивает кожаная обивка. Всё это — мой звук. Мой покой.

Дом встречает меня холодным светом фойе и мягким ковром, который глушит шаги. Высокое здание, стекло и камень. Консьерж кивает, я отвечаю коротким движением головы и иду к лифту. Двери закрываются, кабинка плавно летит вверх. С каждым этажом город за спиной отдаляется, а вместе с ним — шум, суета, всё, что сегодня было.

Пентхаус. Двери лифта открываются прямо в прихожую. Здесь темно, только вдоль пола горит тёплая подсветка. Я снимаю обувь, вешаю толстовку на крючок, прохожу в гостиную. Панорамные окна во всю стену, за ними — море огней, растянувшееся до горизонта. Я не включаю свет. Так лучше. Город сам подсвечивает комнату.

Сумка падает на пол у дивана. Я иду в ванную, снова принимаю душ — уже не такой долгий, скорее чтобы смыть остатки вечера. Потом надеваю чистую футболку и спортивные штаны, падаю в кровать. Простыни холодные, хрустящие. Голова проваливается в подушку. В теле — приятная, тягучая усталость, которая тянет вниз, как тёплая вода. Я закрываю глаза. Завтра будет долгий день.

Утро начинается с дверного звонка. Он разносится по квартире, как сигнал тревоги. Я открываю глаза. За окнами — серое небо, затянутое тучами. На часах — начало девятого. Я не люблю ранних гостей. Но я знаю, кто это.

Иду к двери босиком, не глядя в глазок. Открываю. На пороге — Марк. За его спиной — двое незнакомых людей с большими чехлами в руках. Они выглядят так, будто пришли в музей: аккуратные, сосредоточенные, с безупречными причёсками.

— Доброе утро, — говорит Марк, переступая порог без приглашения. — Знакомься: это Энтони и Люк. Твоя команда на сегодня.

Я не отвечаю, только смотрю на них. Энтони — худощавый, с идеально выглаженной рубашкой. Люк — пониже, с мягкими движениями и сумкой, в которой, судя по всему, целая парикмахерская. Они заходят следом и оглядываются с тем восторгом, который мой пентхаус вызывает у большинства.

— Проходите, — говорю я без выражения и закрываю дверь.

Марк уже в гостиной. Он смотрит на город, как на старую картину, которую видел сотни раз. Я подхожу, встаю рядом.

— Мы летим сегодня, — говорит он, не оборачиваясь.

— Сегодня? Ты говорил — утром в день показа.

— Передумал. Так спокойнее. Прилетим заранее, отдохнёшь, выплывься. А завтра вечером — показ.

Я молчу. Спорить нет сил, да и смысла. Марк умеет поворачивать всё так, что в конце ты всё равно делаешь, как он сказал.

Энтони раскладывает чехол на спинке кресла. Внутри — ткань, подкладка, рулоны. Люк уже расставляет на столе какие-то баночки, зеркальце, ножницы. Квартира, ещё минуту назад тихая и пустая, наполняется чужим присутствием, чужими движениями.

Меня ставят на подставку. Энтони снимает мерки — быстро, точно, как будто его руки видят лучше, чем глаза. Сантиметр обвивает грудь, талию, плечи, предплечья. Он записывает цифры в маленький блокнот и тихо диктует Люку. Ткани прикладывает к моему лицу, к коже, щурится, отходит на шаг, снова возвращается. Я стою и смотрю в окно. Город просыпается. Улицы заполняются машинами. Мне всё равно, какого цвета будет подкладка. Но они относятся к этому так, будто от этого зависит судьба мира.

— Пиджак чёрный, — говорит Энтони. — Без блеска. Матовый. Рубашка белая, но не стерильная, с живой фактурой. Брюки прямые, стрелки. Никаких лишних деталей.

Он говорит это Люку, но я слышу каждое слово. Краем глаза замечаю, как Люк кивает и что-то помечает в телефоне. Потом меня усаживают на стул. Люк накидывает на плечи простыню и берёт в руки ножницы. Я слышу их холодное щёлканье у виска. Волосы падают вниз, на ткань, на пол. Он работает быстро, не разговаривая, лишь изредка отступает на шаг, чтобы оценить форму. Я смотрю перед собой. В зеркало, которое стоит напротив, видно, как моё отражение становится чужим: более строгим, собранным, гладким. Мне не нравится. Но я терплю.

— Готово, — наконец говорит Люк.

Он снимает простыню, стряхивает волосы с моих плеч. Я встаю. В зеркале — я, но не совсем. Чужая причёска, чужая одежда, которую мне сейчас принесут. Я провожу рукой по волосам. Они стали мягче на ощупь, послушнее. Пахнут чем-то травянистым.

Энтони протягивает мне костюм. Я беру его и ухожу в спальню. Одеваюсь медленно. Ткань плотная, но дышит. Пиджак садится по плечам идеально, как будто меня лепили вместе с ним. Брюки не жмут. Рубашка приятно холодит кожу. Я смотрю на себя в окно, в котором отражается город. Теперь я выгляжу как человек, который собирается на модный показ. И это забавляло бы, если бы не раздражало.

Марк заглядывает в дверь.

— Через час вылетаем. Собери сумку.

Я киваю. Сумка уже почти собрана. Пиджак снимаю, вешаю в чехол, который отдаёт Энтони. В самолёте переоденусь перед посадкой. Сейчас — просто джинсы, толстовка, кроссовки.

Аэропорт встречает гулом, светом и запахом кофе. Мы с Марком проходим регистрацию, затем — в зал ожидания. Он не отрывается от телефона. Я сижу у окна и смотрю, как тяжёлые самолёты выруливают на взлёт. Внутри — странное спокойствие. Как перед боем. Только бой впереди — не на ринге.

Мы поднимаемся на борт. Первый класс. Кресла широкие, кожаные, пахнут дорогой обивкой. Я сажусь у иллюминатора. Марк — рядом. Стюардесса приносит воду, вино, какие-то закуски. Я беру только воду. Город внизу постепенно исчезает под облаками. Потом — сплошное белое небо.

Я откидываюсь на спинку и закрываю глаза. Самолёт гудит ровно, как огромный механизм, который несёт меня туда, где я никогда не хотел оказаться. Но раз уж еду — значит, еду.

Самолёт снижается, и Нью-Йорк наползает на иллюминатор серой громадой. Сначала — только очертания, размытые утренней дымкой, потом всё чётче, резче, масштабнее. Бетон, стекло, сталь. Город, который не спрашивает, зачем ты приехал. Он просто смотрит на тебя тысячами окон и ждёт, что ты покажешь себя.

Мы с Марком выходим из терминала. Аэропорт гудит, как гигантский механизм, который никогда не останавливается. Пахнет авиационным топливом, мокрым асфальтом и кофе, который кто-то пролил у стойки. Чемоданы катятся за нами, я тащу спортивную сумку через плечо, Марк сжимает ручку своего чёрного кейса, как будто внутри — документы государственной важности.

Машина уже ждёт. Чёрный внедорожник с затемнёнными стёклами, водитель в костюме, который открывает дверь, как перед важным гостем. Я забираюсь внутрь. Салон пахнет кожей и кондиционером. Марк садится рядом, и машина мягко выкатывается с парковки, вливаясь в поток.

Я смотрю в окно. Улицы мокрые, небо низкое, но город всё равно горит. Даже в пасмурный день Нью-Йорк светится изнутри — витринами, фарами, вывесками, лицами. Мы едем молча. Марк листает телефон, я просто смотрю. Незнакомый город, но он не пугает. Скорее раздражает тем, что слишком шумный, слишком плотный, слишком чужой. Хотя, может, это просто усталость после перелёта.

Отель оказывается в центре. Высокое стеклянное здание, у входа — швейцар в тёмно-зелёной униформе. Он улыбается, как будто ждал нас всю ночь. Я выхожу из машины, потягиваюсь, чувствую, как спина отзывается глухой болью после многочасового сидения. Воздух здесь плотный, влажный, пахнет рекой и жареными каштанами, хотя каштанов я не вижу.

Внутри — прохлада, мраморный пол, высокие потолки. На ресепшене нас встречают, как старых друзей. Марк говорит с администратором, а я отхожу чуть в сторону, засовывая руки в карманы и разглядываю вестибюль. Хрустальные люстры, тёмное дерево, свежие белые цветы в огромных вазах. Пахнет лилиями и полиролью. Слишком чисто. Слишком вылизано.

— Номер на шестнадцатом, — говорит Марк, возвращаясь с ключами. — Соседние.

— Смежные? — уточняю с усмешкой.

— Нет. Просто рядом.

— Жаль.

— Почему?

— Было бы веселее.

Марк не ведётся. Он вообще редко ведётся. Вдыхает, протягивает мне ключ-карту и кивает в сторону лифтов.

Мы поднимаемся. Лифт просторный, с зеркальной стеной. Я вижу наше отражение: я — в толстовке, с сумкой на плече, с волосами, которые после перелёта превратились в лёгкий беспорядок, и Марк — в безупречной рубашке, с идеальной осанкой и лицом человека, который никогда не спит. Я знаю, что уже порядком его вымотал за эти два дня. И, честно говоря, мне это начинает нравиться.

— Ты вообще когда-нибудь устаёшь? — спрашиваю.

— Устаю, — отвечает он, не глядя на меня.

— Выглядишь так, будто только что вышел из химчистки.

— А ты выглядишь так, будто сбежал из спортзала.

— Я и сбежал. В Нью-Йорк.

Он наконец смотрит на меня. В его взгляде — усталость, но не злость. Он давно знает меня. И, кажется, именно поэтому до сих пор рядом.

Номера действительно соседние. Я открываю дверь, захожу внутрь. Просторная комната, панорамное окно во всю стену. Город внизу, как рассыпанные драгоценности. Кровать огромная, белая, с горой подушек. Я бросаю сумку на пол, не разбирая, и падаю на кровать. Простыни холодят кожу. Хорошо. Я закрываю глаза.

Кажется, проходит всего пара секунд, когда в дверь стучат. Стук настойчивый, быстрый. Я открываю глаза. За окном — всё тот же серый день. Часы на столике показывают восемь утра. Я выругался бы, но нет сил.

— Открыто, — говорю.

Дверь щёлкает. Заходит Марк. На нём уже другая рубашка — светло-голубая, идеально выглаженная. Я приподнимаюсь на локтях, смотрю на него с таким выражением, с каким смотрят на будильник в понедельник.

— Подъём, — говорит он.

— Я только лёг.

— Ты лёг в одиннадцать вечера. Сейчас утро. Пора готовиться.

— Показ вечером. Впереди целый день.

— У тебя через час стилист. Потом примерка. Потом нужно поесть, как человек, а не как бродяга. Потом — привести голову в порядок. Потом — выезд.

Я откидываюсь обратно на подушки. Смотрю в потолок. Где-то там, за бетоном, — небо, которое я ещё даже не видел толком. Марк стоит и ждёт. Я знаю этот его приём: он не уйдёт, пока я не встану.

— Ты меня как ребёнка, — говорю, не глядя на него.

— Ты и ведёшь себя, как ребёнок.

— Иногда.

— Постоянно. Но я тебя уже выучил.

Я вздыхаю. Потом сажусь, спуская ноги на пол. Холодный мрамор, но приятно. Провожу ладонями по лицу, разгоняя остатки сна.

— Ладно. Давай уже, — ворчу.

Через час в номере появляются люди. Сначала приходит портной — тот самый Энтони, который снимал мерки в моей квартире. С ним — ассистентка с чехлом. Они раскладывают костюм, как музейный экспонат. Я встаю перед ними, поднимаю руки, позволяю себя одевать. Пиджак ложится на плечи, как будто его шили прямо на мне. Брюки — точно по фигуре. Рубашка — белая, с тонкой фактурой, не маркая. Галстук я отказываюсь надевать. Марк возражает, но недолго. В конце концов, он сам сказал, что я должен быть собой. А я — не галстучный тип.

Потом меня усаживают в кресло. Люк — тот самый парикмахер из моего города — уже снова здесь. Он прилетел отдельным рейсом. Раскладывает инструменты, щёлкает ножницами, включает какой-то фен. Я смотрю в зеркало. Волосы, которые вчера ещё были свободными, теперь снова превращаются в аккуратную форму. Он приглаживает виски, укладывает чёлку, чем-то сбрызгивает. Пахнет травами и чем-то холодным. Я терплю. Марк стоит за спиной, скрестив руки на груди, и наблюдает, как мама, которая впервые ведёт сына на выпускной.

— Может, ещё макияж? — спрашиваю я с сарказмом.

— Не смешно, — говорит Марк.

— Я серьёзно. Вдруг мне пудры не хватает.

— Обойдёшься.

— Ну и отлично. Я и не хочу.

Люк делает шаг назад, смотрит на моё отражение, как художник на холст. Потом кивает.

— Готово. Смотрится отлично.

Я смотрю. Из зеркала на меня глядит собранный, гладкий, отполированный тип, который вот-вот отправится на модный показ. И, чёрт возьми, я не могу сказать, что выгляжу плохо. Просто это не совсем я. Или я, но в другой упаковке.

Марк подходит, поправляет воротник моего пиджака, смахивает невидимую пылинку с плеча.

— Вот теперь ты похож на человека, — говорит он.

— А до этого?

— А до этого ты был похож на боксёра, который заблудился в аэропорту.

Я усмехаюсь. Он тоже.

Зал гудит. Не так, как арена перед боем, а иначе — приглушённо, сдержанно, как будто все здесь боятся показаться слишком живыми. Свет приглушён, воздух пахнет цветами, духами и воском, которым натёрли деревянные панели вдоль стен. Мы с Марком сидим в третьем ряду, у самого прохода. Кресла узкие, обитые тёмно-серым бархатом. Мне в таком сидеть — всё равно что влезть в чужой костюм. Но я сижу. Ради контракта. Ради того, чтобы Марк перестал смотреть на меня, как на проблему.

Перед нами — подиум. Длинный, светлый, залитый холодным светом, который отражается от глянцевой поверхности и дрожит в воздухе. Музыка глухая, ритмичная, она скорее давит на грудь, чем звучит. Вокруг — люди в тёмных нарядах, некоторые в очках без оправы, некоторые с бокалами, которые они не пьют, а просто держат, как аксессуар. Я замечаю, что почти никто не разговаривает в полный голос. Всё — шёпотом, с наклоном к уху, с вежливыми кивками. Я здесь чужой. И мне это не мешает. Даже забавляет.

Показ начинается. Гаснет последний ряд ламп над зрителями, и свет сосредотачивается на подиуме. Первая девушка выходит из тени. Высокая, с гладкими каштановыми волосами, в чём-то серебристом, что струится за ней, как жидкий металл. Она идёт, как по тонкой проволоке — прямо, не глядя по сторонам. Потом вторая. Третья. Четвёртая. Все — невероятно красивые, с лицами, будто нарисованными для обложек, с телами, которые не кажутся настоящими. Я слежу за ними, но быстро ловлю себя на том, что не запоминаю ни лиц, ни нарядов. Они сменяются, как картинки в журнале, который листаешь без интереса. Красиво. Безупречно. И до ужаса одинаково.

Марк рядом со мной сидит, выпрямившись. Иногда наклоняется к моему уху и что-то комментирует, но я только киваю. Его это устраивает. Ему вообще не нужно, чтобы я говорил. Ему нужно, чтобы я был здесь, выглядел прилично и не сбежал. Всё это я делаю. Но внутри — тоска, густая, как сироп. Мне нравятся красивые женщины. Здесь их слишком много. От этого они теряют цену, превращаются в декор, в часть интерьера, как цветы у подиума.

Вспышки камер щёлкают со всех сторон. Фотографы сидят на корточках у края подиума, наводят объективы, ловят каждое движение. Я смотрю на это, как на странный ритуал. Все хотят запечатлеть то, что исчезнет через секунду. И никто не смотрит по-настоящему.

Наконец всё заканчивается. Последняя модель уходит, свет меняется, и по залу проносится волна аплодисментов — сдержанных, но искренних. Я выдыхаю. Показ позади. Теперь — ужин.

Мы выходим на улицу. Вечер тёплый, но с реки тянет прохладой. Пространство для ужина устроено прямо под открытым небом — длинные столы с белыми скатертями, гирлянды тёплого света, официанты с подносами, на которых балансируют узкие бокалы. Пахнет розами, жареным мясом и чем-то сладким — то ли цветами, то ли женскими духами. Гости разбредаются по площадке, и начинается то, ради чего, кажется, все сюда и пришли: позирование.

Меня тоже фотографируют. Сначала — просто на фоне цветочной арки. Потом — с каким-то дизайнером, который подходит и уверенно берёт меня под руку. Потом — с Марком, который встаёт рядом с таким видом, будто мы только что подписали многомиллионный контракт. Я не улыбаюсь. Вернее, улыбаюсь уголком рта, как умею. Фотографы всё равно щёлкают.

— Можешь хотя бы сделать вид, что тебе приятно, — тихо говорит Марк, не разжимая губ.

— Мне приятно, — отвечаю я так же тихо. — Просто у меня лицо такое.

— Знаю. Поэтому и говорю: сделай вид.

Я хмыкаю. Потом оставляю его с какими-то спонсорами и иду к бару. Мне нужно шампанское. Не потому, что я любитель. Просто нужно занять чем-то руки и рот.

Бар — длинная стойка из тёмного дерева, за которой двое барменов работают быстро и молча. Я беру бокал. Шампанское холодное, пузырьки бьют в нос. Делаю глоток. Потом второй. Осматриваюсь. Люди смеются, обнимаются, сверкают украшениями, звонят по телефону. Всё такое нарочитое, как сцена из фильма, где каждый играет роль.

И тут — толчок в спину. Резкий, неожиданный. Откуда-то сбоку кто-то врывается в меня, и я по инерции делаю полшага вперёд, но успеваю развернуться. И в ту же секунду в мои руки — буквально — падает девушка. Она спотыкается на каблуках, теряет равновесие и влетает прямо в меня. Мои руки смыкаются на её талии сами, прижимают к груди. Бокал в моей руке чудом не выплёскивается.

Она лежит на мне. Её плечи — под моими ладонями. Её волосы — белые, платиновые, почти светящиеся в сумерках — рассыпаются по моим рукам, касаются щеки, шеи. Они пахнут розами и солью, как море, которое принесло их из какого-то другого мира. Я смотрю на неё сверху вниз. На эти глаза — янтарные, с зелёными искрами, — которые распахнуты и смотрят прямо на меня. На эти губы — алые, с чётким изгибом, — которые сейчас не улыбаются, а скорее застыли в полуулыбке. Она не отталкивается. Просто смотрит. И я вдруг понимаю, что на этом вечере впервые мне по-настоящему интересно.

— Ты в порядке, снежная королева? — спрашиваю, не убирая рук.

Она чуть прищуривается, но не двигается.

— Мог бы не ловить, — говорит она. — Сама бы справилась.

Голос у неё ниже, чем ожидаешь от такой. С хрипотцой, как будто она только что смеялась или пила что-то крепкое. Мне нравится. Очень.

— Но это было бы не так весело, — отвечаю я. — К тому же, я не мог упустить шанс поддержать в руках самую красивую женщину.

Она фыркает. Мягко, но с дерзостью.

— О Боже, как мне льстит, — тянет она, наконец выпрямляясь и высвобождаясь из моих рук. — Но у меня правило: не общаться с мужчинами, у которых мускулов больше, чем мозгов.

Я смеюсь. Смеюсь в голос — легко, неожиданно даже для себя. Она стоит передо мной, поправляет лямку платья, вскидывает подбородок. Вся — как натянутая струна.

— Острый язычок, — говорю я, всё ещё улыбаясь. — Мне нравится. Как тебя зовут, кошечка?

Она поднимает бровь. Взгляд — как у кошки, которая только что решила, что не даст себя погладить.

— Ты реально не знаешь или делаешь вид? — спрашивает она.

— Не знаю.

Она выдерживает паузу. Потом медленно, с расстановкой, как будто это имя должно прожечь воздух:

— Скарлетт Вон. И я не кошечка, а богиня с небес. Не путай.

Я смотрю на неё. На эти белые волосы, на эти невозможные глаза, на эту осанку, от которой воздух вокруг становится плотнее. И понимаю, что вечер, который я собирался перетерпеть, только что перестал быть скучным.

— А богиня, — говорю, чуть наклонившись к ней, — выпьет с простым смертным?

глава 3 Скарлетт

Я смотрю на него и думаю, что у вселенной, должно быть, отвратительное чувство юмора. Или, наоборот, слишком хорошее. Мужчина передо мной — высокий, даже выше, чем мне показалось сначала. Я на каблуках, а он всё равно возвышается надо мной на полголовы, и от этого его близость ощущается как давление. Не физическое — другое. Как будто сам воздух вокруг него стал плотнее, горячее, наэлектризованнее. От него пахнет чем-то тёплым, мужским — сандалом, цитрусом, едва уловимой солью, как от кожи, разогретой на солнце. Этот запах щекочет ноздри и остаётся на языке, даже когда я делаю шаг назад.

Костюм сидит на нём идеально. Чёрный, матовый, без единой лишней детали. Рубашка белая, расстёгнута на одну пуговицу больше, чем это прилично, но ему простительно. Широкие плечи, мощная шея, длинные ноги. Он двигается, как человек, который привык, что пространство расступается перед ним. И ухмылка. Наглая. Такая, от которой хочется то ли рассмеяться, то ли ударить. И при этом — чертовски красивая. Левый уголок рта приподнимается чуть выше правого, и на щеке прорезается ямочка, которая делает его лицо почти мальчишеским. Почти. Потому что всё остальное в нём — взрослое, опасное, уверенное до предела.

Я согласилась выпить. Сама не знаю, почему. Может, из любопытства. Может, из-за того, что его руки, которые поймали меня у бара, были такими твёрдыми и тёплыми, что я до сих пор чувствую их отпечатки на талии. А может, потому что за последние несколько часов этот

вечер умудрился высосать из меня всю скуку и оставить только сухую усталость, а он — единственный, кто не похож на картонную декорацию.

Мы идём к бару. Он пропускает меня вперёд, но не отстаёт. Я чувствую его взгляд на своей спине, на голых плечах, на линии шеи, по которой скользнула прядь волос. Не оборачиваюсь, но по коже расползается тёплое покалывание. Ненавижу, когда на меня так действуют. И одновременно — не хочу, чтобы это прекращалось.

Бармен замечает меня и тут же оставляет другого гостя. Я заказываю шампанское. Себе — бокал. Ему — не знаю. Оборачиваюсь и смотрю на него.

— А ты что будешь?

— То же, что и ты, — говорит он, не сводя с меня глаз.

— Боишься, что я сбегу с чем-то другим?

— Боюсь, что ты сбежишь. А так у меня хотя бы будет твой вкус.

Я приподнимаю бровь. Наглость, конечно, запредельная. Но подаёт он её так, что это не выглядит пошло. Скорее — как игра. А я умею играть.

Бармен подаёт два бокала. Шампанское холодное, пузырьки поднимаются длинными нитями, лопаются у кромки. Я беру свой бокал, он — свой. Мы стоим лицом друг к другу, и между нами — только стекло, свет гирлянд и воздух, который всё ещё пахнет розами и разогретой землёй.

— Так кто ты? — спрашиваю, глядя на него поверх кромки бокала.

— А на кого похож?

— На того, кто слишком уверенно держит чужих женщин.

Он смеётся. Смех у него низкий, грудной, идущий откуда-то изнутри, и он снова запрокидывает голову, как будто я сказала самую смешную вещь за вечер.

— Боксёр, — говорит он наконец.

Я не удивлена. Это видно. Видно по развороту плеч, по тому, как он стоит, по утолщённым костяшкам, которые я успела заметить, когда он держал бокал. Видно по лёгкой ссадине на скуле, замазанной тональным кремом, но всё равно различимой в тёплом свете. Боксёр. Конечно. Как я сразу не поняла.

— Боксёр, — повторяю, пробуя это слово на вкус. — На ринге бьёшь людей, а вне — ловишь модели. Удобно.

— Вне ринга я обычно людей не бью.

— А ловишь?

— Только тех, кто падает в мои руки.

Я фыркаю. Он улыбается шире. И в этой улыбке столько самоуверенности, что если бы это был не он, я бы уже развернулась и ушла. Но я не ухожу. Я смотрю на него и пытаюсь понять, где я его видела. Это лицо — оно знакомое. Смутно, как песня, которую слышал где-то в такси. Я уверена, что видела его раньше. Может, на обложке журнала. Может, в новостях. Может, в чьём-то телефоне. Не помню. И это раздражает.

— У тебя лицо, как будто ты пытаешься решить, арестовать меня или поцеловать, — говорит он.

— Ошибаешься. Я пытаюсь понять, где я тебя видела.

— Может, во сне?

— Вряд ли. Мне редко снятся мужчины с разбитыми костяшками.

Он смотрит на свои руки, как будто впервые их видит. Потом снова на меня.

— Джейсон Кейн, — говорит он. — Но все зовут меня Джейк. Или Молот.

Молот. Я слышала это имя. Где-то в спортивных новостях, которые бегут фоном, когда я завтракаю в отеле. Или на экранах в аэропорту. Да. Точно. Я видела его лицо на афишах. Несколько раз. И не обратила внимания. А зря.

— Молот, — повторяю, растягивая слово. — Громко.

— Заслуженно.

— Скромно.

Он снова улыбается. У него вообще, кажется, нет кнопки «смутиться». Он стоит передо мной, как человек, который знает, что может позволить себе всё. И, что хуже, — знает, что мне это начинает нравиться.

Я делаю глоток. Шампанское прохладное, с лёгкой кислинкой, но внутри уже тепло. Из-за него. Из-за этой дурацкой ухмылки, из-за этих голубых глаз, которые, кажется, темнеют, когда он смотрит на мои губы. Он не скрывает, что разглядывает меня. И я не скрываю, что позволяю.

— Значит, боксёр, — говорю. — И что, на ринге все такие же разговорчивые?

— Нет. Там я больше слушаю.

— И что обычно слышишь?

— Свист чужих ударов. И тишину перед тем, как кого-то выключают.

Он говорит это спокойно, без бахвальства, и от этого становится ещё опаснее. Не потому, что он угрожает. А потому, что он не шутит.

Я отворачиваюсь к бару, ставлю пустой бокал. Бармен тут же предлагает повторить. Я киваю. Джейк тоже ставит бокал и придвигается ближе. Теперь он стоит вполоборота, и его плечо почти касается моего. Я чувствую исходящее от него тепло. Оно плотное, как от печи. И от него пахнет так, что хочется закрыть глаза.

— А ты, значит, модель, — говорит он, не спрашивая.

— Супермодель, — поправляю я.

— О, прости. Супермодель. А по имени как?

Я поворачиваюсь. Смотрю ему в глаза. Он смотрит в ответ, не мигая. В его зрачках отражаются гирлянды, как маленькие золотые точки. И на секунду мне кажется, что всё вокруг затихло, остался только он, и этот взгляд, и моё сердце, которое почему-то бьётся быстрее, чем нужно.

— Скарлетт, — говорю.

— Уже знаю.

— Тогда зачем спросил?

— Хотел услышать, как ты это скажешь.

Я качаю головой, но не могу сдержать лёгкую улыбку. Он действует на меня, как слишком крепкий коктейль: голова пока ясная, но где-то на периферии уже разливается тепло. И мне всё труднее делать вид, что я не замечаю его взгляда, его близости, его улыбки, которая появляется снова — кривая, наглая, невыносимо красивая.

— Так откуда ты знаешь моё имя? — спрашиваю, принимая новый бокал.

— Ты серьёзно? — он усмехается. — Тебя знает весь мир, Скарлетт. Даже те, кто не смотрит модные показы. Твоё лицо — на билбордах. Твоя походка — в каждом ролике. Тебя невозможно не узнать.

— А ты сделал вид, что не узнал.

— Я не делал. Я правда не узнал.

— Но только что сказал...

— Я знал, кто ты, — перебивает он. — Но когда ты упала в мои руки, я не думал о билбордах. Я думал только о том, что у меня в руках — самая красивая женщина, которую я видел вблизи.

Я молчу. Потому что ответить на это — значит признать, что он меня задел. А я не хочу признавать. Не сейчас.

Вокруг нас шумит вечер. Смех, музыка, звон посуды. Кто-то снова фотографирует. Кажется, даже нас — издалека, с поднятым телефоном. Но мне всё равно. Я стою, сжимая бокал, и смотрю на него. А он смотрит на меня, и в его глазах нет ни капли игры. Только интерес. Настоящий, острый, как лезвие.

Я опускаю бокал чуть ниже, поворачиваю голову влево, потом вправо. Камеры действительно повсюду. Они не бросаются в глаза, если не искать, но стоит присмотреться — и видишь их: у цветочной арки, за колонной, у входа на террасу, в руках у фотографов, присевших на одно колено, чтобы поймать лучший ракурс. Вспышки вспыхивают то тут, то там, как беззвучные молнии. Красные огоньки на камерах мигают, и я знаю, что несколько объективов уже нацелены на нас. На меня и на него. На то, как он стоит слишком близко, как его плечо почти касается моего, как он смотрит на меня, не отводя глаз, будто вокруг нет никого.

— Если мы будем так близко и много общаться, все подумают, что у нас роман, — говорю я, не поворачивая головы, но чувствуя, как его взгляд скользит по моему лицу.

Он ухмыляется. Я слышу это раньше, чем вижу: короткий выдох, похожий на смешок, который он даже не пытается скрыть. Уголок его рта ползёт вверх — нагло, медленно, как будто он наслаждается каждым мгновением этой игры.

— Это плохо? — спрашивает он.

Я закатываю глаза. По-настоящему, не сдерживаясь. Это выходит само, как рефлекс, как защитный жест, но, кажется, ему только нравится больше. Я слышу его тихий смех, тёплый, низкий, идущий откуда-то из груди, и от этого почему-то становится жарче, хотя вечерний воздух с реки тянет прохладой.

— Ты невыносим, — говорю, но без злости.

— Знаю, — отвечает он, и в его голосе столько довольства, что хочется стукнуть его по плечу. — Но ты ведь всё ещё здесь.

Я качаю головой. Подношу бокал к губам, делаю глоток. Шампанское уже не такое холодное, но всё ещё колкое. Я смотрю куда-то в сторону, на толпу, на гирлянды, на чьё-то платье, сверкающее, как рыба чешуя. Но краем глаза всё равно вижу его. И он не двигается. Не отходит. Не даёт мне ни сантиметра воздуха, в котором не было бы его присутствия.

— Ты хотя бы понимаешь, что завтра эти фото будут везде? — спрашиваю, не глядя на него.

— Пусть будут.

— Тебе всё равно?

— Мне не всё равно. Но прятаться я не собираюсь.

Я наконец смотрю на него. В свете гирлянд его глаза кажутся светлее, чем раньше — почти прозрачные, с тёмной каймой. Он стоит, чуть склонив голову, и смотрит на меня так, будто мы одни. И в этом взгляде нет ни вызова, ни насмешки. Только спокойная, уверенная наглость человека, который знает, чего хочет. И не привык отступать.

— Роман, значит? — переспрашивает он, растягивая слово. — С супермоделью? Я бы не отказался.

— А я бы не согласилась.

— Ну, не знаю. Мне кажется, мы уже неплохо смотримся вместе.

Я усмехаюсь. Потом качаю головой, но не могу сдержать улыбку. Она выходит лёгкой, почти невольной. Он замечает её. Конечно, замечает. И его ухмылка становится ещё шире, ещё более невыносимой.

— Вот так-то лучше, — говорит он.

— Что лучше?

— Когда ты улыбаешься. А не смотришь на меня, как на досадное недоразумение.

— Ты и есть досадное недоразумение.

— Но улыбаешься же.

Я закатываю глаза снова. На этот раз сама чувствую, как губы дёргаются. Он действует на меня, как качка на палубе: сначала злишься, что не можешь стоять ровно, а потом начинаешь получать удовольствие. Мне бы уйти. Развернуться, раствориться в толпе, найти Ирис или Марго, спрятаться за их болтовнёй. Но я не ухожу. Я стою, сжимаю бокал и позволяю ему смотреть на меня.

— Хочешь, я тебе скажу, что будет дальше? — спрашивает он.

— О, у тебя и прогноз есть?

— Будет то, что ты сейчас сделаешь вид, что тебе всё равно, а потом мы всё равно окажемся в одном месте. Потому что этот вечер длинный, а ты не из тех, кто убегает.

Я смотрю на него. В его глазах пляшут огоньки, и я не могу понять, чего в нём больше — самоуверенности или чутя. И боюсь, что и того, и другого в избытке.

— Ты слишком много думаешь для боксёра, — говорю.

— А ты слишком мало для той, которая утверждает, что ей всё равно.

Я не отвечаю. Просто делаю ещё глоток. Шампанское уже почти не пьётся — я просто держу бокал, чтобы чем-то занять руку. Вокруг щёлкают камеры. Кто-то снимает нас со

стороны, и я вижу, как одна из вспышек отражается в его глазах. Он не оборачивается. Ему, кажется, действительно всё равно.

— Мне пора, — говорю, но не двигаюсь.

— Пора куда?

— В мою жизнь, в которой тебя ещё не было.

— О, так я уже был в твоей жизни?

Я вздыхаю. Он смеётся. И снова эта ямочка, и снова этот взгляд, от которого хочется то ли дать ему пощёчину, то ли попросить, чтобы он не смотрел никуда больше, кроме как на меня.

— Ты невыносим, — повторяю тише.

— Ты уже говорила.

— Потому что это правда.

— А по-моему, тебе нравится.

Я не отвечаю. И это молчание длится ровно столько, чтобы он всё понял. А потом я всё-таки отворачиваюсь, но не ухожу. И он снова встаёт рядом. Близко. Так, что я чувствую его запах, его тепло, его присутствие, заполняющее всё.

Он не спрашивает, хочу ли я ещё. Просто поднимает руку, и бармен, который, кажется, всё это время следил за нами краем глаза, тут же наполняет два бокала. Джейк берёт их сам, один протягивает мне. Я принимаю. Наши пальцы не соприкасаются, но воздух между ними накаляется так, будто мы коснулись. Он смотрит на меня поверх бокала, и в этом взгляде — не только наглость. Есть что-то ещё. Тёплое, цепкое, как медленный огонь, который разгорается без спешки.

Я не отвожу глаз. И он не отводит. Это не игра в гляделки. Это что-то другое. Мы стоим у бара, как два человека, которые случайно оказались на одной волне и теперь не хотят с неё сходить. Вокруг — шум, музыка, смех, чьи-то голоса, которые сливаются в сплошной гул. Но он не мешает. Наоборот, оттеняет то, что происходит между нами, делает его острее, обнажённое.

— Ты часто ходишь на такие вечера? — спрашивает он.

— Часто. Это часть работы.

— И как, не скучно?

— Скучно. Но бывают... исключения.

Он улыбается. Медленно, с явным удовольствием.

— Я — исключение?

— Ты — аномалия.

Он смеётся, и от этого смеха у меня по рукам бегут мурашки. Он даже не старается быть обаятельным. Это у него просто вшито — в голос, в поворот головы, в манеру смотреть так, будто весь мир может подождать.

— Аномалия, — повторяет он, пробуя слово на вкус. — Звучит почти как комплимент.

— Почти — ключевое слово.

Он открывает рот, чтобы ответить, но к нам уже идут. Я замечаю их раньше, чем они подходят: двое с бейджами, один с микрофоном, второй с камерой на плече. У обоих на лицах профессиональное оживление, какое бывает у людей, которые охотятся за самыми громкими кадрами вечера. Я сразу понимаю: сейчас будут вопросы. И, судя по тому, как взгляд Джейка скользит в сторону и замирает на приближающихся фигурах, — он тоже понял.

— Скарлетт! — женщина с микрофоном уже улыбается мне, как старой подруге. — Можно пару вопросов? И... — она переводит взгляд на Джейка, и её глаза вспыхивают узнаванием, — Джейсон Кейн! Какая неожиданная пара. Вы не против?

Он молчит. Я чувствую, как его тело рядом со мной на долю секунды напрягается. Не от страха. От нежелания. Это видно по тому, как он переступает с ноги на ногу, как его улыбка становится чуть жёстче, как он делает вдох, будто перед боем. Но он не уходит. Стоит, как скала, и молчит, предоставляя мне решать.

— Конечно, — говорю я, включая ту самую улыбку, которая открывает двери и закрывает рты. — Только коротко.

Женщина с микрофоном просияла. Камера поднимается выше, наводится на нас. Вспышка бьёт в лицо, но я не щурюсь. Мне не впервой. Джейк рядом тоже не двигается, только его челюсть сжимается чуть заметнее. Он здесь, но его взгляд блуждает по сторонам, как у человека, который ищет путь к отступлению.

— Скарлетт, сегодняшний показ — это что-то невероятное! — начинает она. — Донателла назвала вас своей музой. Как ощущения?

— Я люблю то, что делаю, — отвечаю ровно. — А Донателла — гений. Работать с ней — подарок.

— А вы, Джейсон? — она поворачивается к нему, и я буквально чувствую, как он хочет испариться. — Это ваш первый показ?

— Первый, — коротко отвечает он.

— И как впечатления?

— Красиво, — говорит он. — Очень.

В его голосе ни капли фальши, но я слышу, что он не привык к таким разговорам. Он отвечает скупой, точно, как человек, который не хочет сказать лишнего. И от этого кажется ещё более настоящим среди всего этого блеска.

— Вы пришли поддержать кого-то? Или просто посмотреть?

— Просто посмотреть.

— А как вам Нью-Йорк?

— Шумный.

— Но вы ведь и сами из мира, где шумно. Боксёрские арены, трибуны...

— Там по-другому.

Она ждёт продолжения, но он не даёт. Просто смотрит на неё с лёгкой ухмылкой, которая на самом деле означает: «я ответил, отстань». Женщина явно хочет вытянуть больше, но я чувствую, что он на пределе. Не потому, что не умеет говорить. А потому, что не хочет играть в их игру.

— Спасибо вам обоим, — говорю я мягко, но с интонацией, которая не предполагает продолжения. — Хорошего вечера.

Я улыбаюсь и плавно отворачиваюсь, давая понять, что разговор окончен. Джейк следует за мной. Мы отходим на несколько шагов, и я слышу, как он выдыхает. Долго, с облегчением. Так, будто не дышал всё это время.

— Никогда не понимал, зачем люди это делают, — говорит он.

— Что именно?

— Всё это. Вопросы, камеры, улыбки по команде.

— А что, на арене камер нет?

— Есть. Но там я делаю свою работу. А здесь...

— А здесь ты просто красивый аксессуар, — поддеваю я.

Он оборачивается ко мне. Ухмылка возвращается, но теперь в ней есть что-то другое. Он смотрит на меня так, будто я только что сказала то, что он сам не решился произнести вслух.

— Точно, — говорит он. — И мне это не нравится.

— Зачем тогда пришёл?

— Менеджер. Контракт. Обязательства.

— Скучно.

— Согласен.

Он делает глоток шампанского. Я наблюдаю за ним. За тем, как двигается его кадык, как рука сжимает бокал, как он щурится на свет. В нём столько силы, что кажется, будто она не помещается в этот вечер, в этот костюм, в эту террасу с гирляндами. И в то же время он здесь — чужой, неудобный, как дикий зверь в витрине. И это, чёрт возьми, забавно.

— Тебе не идёт, — говорю.

— Что?

— Притворяться, что тебе всё нравится.

— А я и не притворяюсь.

— Значит, хорошо играешь.

Он поворачивается ко мне всем корпусом. Теперь мы стоим совсем близко. Его грудь почти касается моего плеча. Я чувствую его запах — тёплый, с ноткой цитруса и чего-то древесного, — и он снова ударяет мне в голову сильнее, чем шампанское.

— А тебе? — спрашивает он. — Идёт притворяться?

— Мне не нужно притворяться. Я здесь своя.

— А я, значит, нет?

— Ты — нет.

— И что мне делать с этим?

— Привыкать. Или сбежать.

Он усмехается. Потом качает головой, как будто я сказала глупость.

— Не дождёшься.

Я вижу, как на его лице снова проступает эта ухмылка — та самая, от которой у меня внутри всё переворачивается. Он стоит так близко, что я могу разглядеть тонкую светлую полоску шрама над бровью, которую не заметила раньше. Властный, невозмутимый, наглый. И в то же время — какой-то потерянный среди всего этого блеска. Забавный такой.

— Мне нужно к подругам, — говорю, отрывая от него взгляд.

— Отлично. Я с тобой.

— Зачем?

— Чтобы ты не заскучала.

— С тобой сложно заскучать.

— Вот именно.

Я вздыхаю, но не спорю. Поворачиваюсь и иду через толпу. Он идёт следом. Я чувствую его присутствие спиной — тяжёлое, тёплое, неотвязное. Он не отстаёт. Не пытается взять за руку, не вторгается, но и не даёт забыть, что рядом. И, к моему собственному удивлению, мне это нравится.

Подруги находят меня сразу, как только я отхожу от бара. Ирис первая — она уже раскраснелась, глаза блестят, бокал в руке подрагивает от переполняющего её возбуждения. Марго рядом, Ливия чуть позади, Грета всё ещё смеётся чему-то, что было сказано до моего появления. Мы собираемся в небольшой круг, как птицы, вернувшиеся в стаю. Я чувствую их запахи — духи, пудра, шампанское, разгорячённая кожа. Всё родное, привычное. Всё, что возвращает в реальность.

— Ну и кто этот зверь? — спрашивает Ирис, наклоняясь ко мне так близко, что я чувствую запах мятной жвачки на её дыхании. Её глаза горят любопытством. — Ты от него весь вечер не отходишь.

— Не преувеличивай, — говорю, но губы сами чуть дёргаются в улыбке.

— Не преувеличиваю, — вмешивается Грета. — Я видела, как ты ему улыбалась. Ты так не улыбаешься даже фотографам.

— Фотографы не заслуживают, — пожимаю плечами.

— А он, значит, заслужил? — Марго приподнимает бровь.

Я не отвечаю. Просто смотрю на них, а они — на меня, и в их глазах — тысяча вопросов, которые они, к счастью, не задают вслух. По крайней мере, не все сразу. Вокруг нас уже кружат фотографы. Камеры поднимаются, щёлкают, ловят нас в естественных позах — смеющихся, расслабленных, идеальных. Я машинально выпрямляю спину, поворачиваю лицо к свету. Это уже рефлекс. Иногда мне кажется, что я могу делать это во сне.

Мы позируем. Ирис кладёт руку мне на плечо, Марго встаёт с другой стороны, Грета и Ливия придвигаются ближе. Вспышки бьют со всех сторон, и я слышу, как фотографы выкрикивают наши имена, просят улыбнуться, повернуться, посмотреть в объектив. Я выполняю всё быстро, не задумываясь. Но где-то на периферии сознания всё ещё стоит он. И я знаю, что он где-то рядом. Даже не видя его, чувствую его присутствие, как тепло от костра, который не видно, но ощущаешь кожей.

Он действительно ходит за мной. Не навязчиво, не как прилипала, но всё же. Я замечаю его боковым зрением: он держится на расстоянии в несколько шагов, не влезает в разговор, не лезет в кадр. Просто стоит, смотрит. Ждёт. И от этого у меня по спине бегут мурашки.

— Он за тобой как собака, — шепчет Ливия, наклонившись к моему уху. — Ты ему нравишься.

— Все мужчины находят меня симпатичной, — отвечаю с лёгкой усмешкой.

— Но не все смотрят так.

Я не спрашиваю, как. Я и сама знаю. Сама чувствую этот взгляд, даже когда он не направлен на меня. И, чёрт возьми, это мешает. Мешает быть собранной, лёгкой, свободной. Мешает делать вид, что всё идёт так, как я хочу. Потому что где-то внутри я хочу, чтобы он продолжал смотреть.

Но потом он отходит. Я замечаю это краем глаза: какой-то мужчина в строгом костюме подходит к нему, что-то говорит, касается его плеча, и Джейк кивает, коротко, без улыбки. Менеджер, наверное. Тот самый, который заставил его прийти. Они отходят в сторону, и через пару минут Джейк исчезает за колонной. Я не слежу за ним взглядом. По крайней мере, стараюсь. Но внутри что-то сжимается — не то разочарование, не то любопытство. Скорее, и то, и другое сразу.

— Он ушёл, — говорит Ирис, как будто я не заметила.

— Пусть идёт.

— Ну-ну, — усмехается она.

Я не отвечаю. Вместо этого достаю телефон. Экран загорается в руке, бросая холодный свет на лицо. Я делаю вид, что проверяю сообщения. Пара уведомлений, поздравления, отметки в соцсетях. Ничего важного. Но пальцы уже сами открывают браузер. Я не сразу понимаю, что печатаю. Только вижу в строке: «Джейсон Кейн боксёр». И нажимаю поиск.

Страница загружается быстро. Ссылки, фото, заголовки. Я листаю вниз, не давая себе времени подумать, зачем это делаю. Перед глазами мелькают новости, интервью, статистика боёв. Он действительно известен. Не просто боксёр — звезда. Чемпион в тяжёлом весе, с рекордом, который заставляет присвистнуть. Дата рождения, возраст — тридцать один. Не женат. Детей нет. Холост. И это почему-то отзывается во мне лёгким, непонятным облегчением, которое я тут же гоню прочь.

Я листаю дальше. Фотографии с боёв — лицо в каплях пота, сосредоточенное, жёсткое. Снимки с пресс-конференций — в костюме, с лёгкой ухмылкой. Кадры с улицы — без пиджака, в простой футболке, с сумкой на плече. И везде — этот взгляд. Прямой, наглый, цепкий. Тот самый, которым он смотрел на меня у бара.

Замечаю заголовок: «Джейсон Кейн: жизнь без компромиссов». Открываю. Интервью короткое, сдержанное. Он рассказывает о тренировках, о дисциплине, о том, что не ходит на светские вечера. Я невольно усмехаюсь. «Не ходит», а сам стоит сейчас где-то в этом саду, с бокалом шампанского, которое явно не любит. Всё ради контракта, как он сказал. Забавно.

День рождения. Я смотрю на дату. Запоминаю. Не знаю, зачем. Возраст. Рост. Вес. Всё это — сухие цифры, которые ничего не говорят о том, как он смеётся, как хмурится, как сжимает

челюсть, когда ему некомфортно. Но я всё равно читаю. Всё равно впитываю. И всё равно злюсь на себя за это.

Закрываю вкладку. Убираю телефон в сумочку. Сердце бьётся чуть быстрее, чем нужно. Я поднимаю глаза и вижу, как подруги смотрят на меня с одинаковым выражением, в котором смешаны любопытство и понимание.

— Ты искала его, — говорит Марго. Это не вопрос.

— Я искала, кто он такой, — отвечаю ровно. — Это разные вещи.

— Ну да, конечно, — фыркает Ирис.

Я не спорю. Просто беру у проходящего официанта бокал воды, делаю глоток. Холодная, безвкусная. Отрезвляет. Но не до конца. Потому что где-то в глубине я всё ещё думаю о нём.

Вечер тянется, как расплавленное золото. Свет гирлянд становится мягче, музыка — глубже, голоса вокруг сливаются в приглушённый, тягучий гул. Я уже несколько раз обошла террасу, поздоровалась с нужными людьми, улыбнулась камерам, поговорила с Донателлой, которая поцеловала меня в обе щеки и назвала своей богиней. Но всё это проходит мимо, как фон. Я ловлю себя на том, что то и дело скользя взглядом по толпе, выискивая высокую фигуру в чёрном костюме. Джейсона нигде не видно. И это... жаль.

Я не хочу признавать, что мне с ним было весело. Что он сумел расшевелить этот вечер, выдернуть меня из привычной скуки, заставить говорить резче, улыбаться свободнее. Но, чёрт возьми, так и было. С ним было интересно. А теперь его нет, и всё снова стало пресным, как вода без газа.

Я иду вдоль живой изгороди, поправляю прядь волос, упавшую на плечо. Камеры следуют за мной. Я слышу щелчки, вижу вспышки, отражённые в бокалах и украшениях. Фотографы выкрикивают моё имя, просят остановиться, повернуться, улыбнуться. Я выполняю. Улыбаюсь, смотрю в объектив, вскидываю подбородок. Это моя стихия. Я знаю, как выглядеть так, чтобы снимок стал обложкой. И всё же сегодня это не приносит обычного удовольствия. Внутри — странная пустота, которую не заполняют ни комплименты, ни внимание, ни вспышки.

Я останавливаюсь у каменной балюстрады. За ней — город, рассыпанный огнями до самого горизонта. Мосты, башни, река, в которой дрожат отражения. Красиво. Я смотрю вниз, и на секунду мне кажется, что весь Нью-Йорк лежит у моих ног. Привычное чувство. Но сегодня оно почему-то отдаёт одиночеством.

— Скарлетт!

Голос раздаётся сбоку, и я не сразу оборачиваюсь. Потому что узнаю его. Потому что внутри что-то вздрагивает — не от неожиданности, а от того, что я слишком долго ждала этого звука. Он подходит. Я слышу его шаги по гравию, чувствую его запах раньше, чем вижу его самого. Тёплый, с цитрусом и сандалом, он обволакивает меня, как вечерний ветер.

Я оборачиваюсь. Он стоит в паре шагов, руки в карманах брюк, пиджак расстёгнут, волосы чуть растрёпаны ветром. В свете гирлянд его лицо кажется резче, скулы — острее, глаза

— темнее. Он смотрит на меня так, будто только что вернулся из долгого пути. И в этом взгляде нет ни капли усталости, которую он явно испытывает от этого вечера. Только я. И это... сильно.

— Хотел сбежать, — говорит он, и в голосе его лёгкая хрипотца, будто он много говорил или мало пил. — Менеджер не разрешает. Поэтому придётся остаться.

Я чуть наклоняю голову, разглядывая его. Он не отводит взгляд.

— А тут из приятного только ты.

Он произносит это так просто, без пафоса, без игры. И от этой простоты у меня на секунду перехватывает дыхание. Я не показываю. Стою, опираясь ладонями на холодный камень балюстрады, и смотрю на него с лёгкой усмешкой.

— Значит, я — твоё спасение от скуки?

— Похоже на то.

— А если я сейчас уйду?

— Тогда я останусь тут один и буду смотреть на город.

— Тоже неплохо.

— С тобой — лучше.

Я качаю головой. Он не сдвигается с места, но его присутствие заполняет всё пространство между нами. Это не вторжение. Это что-то другое. Как будто он не нуждается в разрешении, чтобы быть рядом. Как будто он уже решил, что этот вечер принадлежит нам, и не собирается спрашивать моего мнения.

— Ты всегда такой настойчивый? — спрашиваю.

— Только когда есть ради чего.

— И ради чего же?

— Ради тебя.

Я фыркаю. Но губы предают — они сами чуть приподнимаются в улыбке, которую я не успеваю спрятать. Он замечает. И его ухмылка становится шире, наглее. Той самой, от которой у меня внутри всё переворачивается.

— Ты знаешь, что таких, как ты, называют бабниками? — говорю.

— Знаю. Но это неправда.

— А что правда?

— Что я редко вижу женщину, с которой хочется стоять и говорить о том, как я хотел сбежать с вечера.

Я смотрю на него. На его лицо, в котором нет ни тени сомнения. На его глаза, которые не отпускают. На его губы, которые только что произнесли то, что я не ожидала услышать. И я понимаю, что мне не хочется ни спорить, ни язвить, ни притворяться. Хочется просто стоять здесь. С ним. На этом краю города, который мы оба не любим, но который сейчас кажется почти волшебным.

— Ну, раз менеджер не разрешает сбежать, — говорю, отворачиваясь к огням, — можешь поскучать рядом со мной.

Он подходит ближе. Встаёт рядом, опираясь на балюстраду. Наши плечи почти соприкасаются. Я чувствую тепло его тела, и оно пробивается сквозь прохладу ночи, как обещание. Он молчит. И я молчу. Мы смотрим на город, который шумит внизу, и в этом молчании — больше слов, чем во всех разговорах за вечер.

— Скарлетт, — тихо произносит он, не глядя на меня.

— Что?

— Спасибо, что не ушла.

Я не отвечаю. Но остаюсь. И это, наверное, самый честный ответ из всех, что я могла дать.

Он не отходит. И это уже не просто «рядом». Это постоянное присутствие, к которому я, кажется, начинаю привыкать быстрее, чем мне бы хотелось. Он ходит за мной по пятам, но делает это так, что никто не чувствует неловкости. Вернее, чувствуют, но не он. Я вижу, как на нас оборачиваются, как перешёптываются, как делают вид, что смотрят в бокалы, а на самом деле следят за каждым нашим шагом. Ещё бы. Скарлетт Вон и боксёр, который не пропускает ни одного её движения. Это уже почти сцена из фильма.

Но когда я останавливаюсь, чтобы позировать, — он исчезает. Я не сразу замечаю, как именно это происходит. Просто в какой-то момент его нет рядом. Я стою в круге света, улыбаюсь в объектив, поворачиваю лицо то влево, то вправо, а он отходит. Недалеко. На несколько шагов. Так, чтобы не лезть в кадр, не мешать, не оттягивать внимание. Это удивительно... тактично. Слишком тактично для человека, который весь вечер ведёт себя как хозяин положения.

Я ловлю его взгляд между вспышками. Он стоит у края террасы, у живой изгороди, и смотрит. Вернее, пытается смотреть куда-то в сторону, на город, на небо, на официанта с подносом, но его взгляд всё время возвращается ко мне. И в этом есть что-то трогательное. И одновременно раздражающее.

Он похож на ребёнка, которого привели на взрослый праздник. Костюм сидит идеально, плечи расправлены, но внутри — мальчишка, которому хочется домой. Это видно по тому, как он переступает с ноги на ногу, как поправляет манжету, как сжимает и разжимает кулак в кармане брюк. Ему здесь не место. Он сам это знает. И всё равно стоит. Ждёт. Меня. Это бесит. И притягивает.

Фотографы просят меня повернуться к балюстраде. Я выполняю. Слышу, как щёлкают камеры, как кто-то выкрикивает: «Идеально!», как ветер подхватывает мои волосы и бросает их на лицо. Я убираю прядь за ухо, смотрю в объектив, улыбаюсь. И тут же, краем глаза, вижу его. Он не смотрит на меня. Он смотрит на мои волосы. На то, как они падают. И в его взгляде — что-то, отчего у меня внутри всё сжимается.

Я отворачиваюсь. Слишком резко. Слишком явно. Но мне нужно перевести дыхание. Потому что это уже не игра. Это какое-то странное притяжение, которое я не могу ни объяснить, ни выключить. Он красивый. Да. Слишком. До безумия. До раздражения. До этой чёртовой ухмылки, которая снится, наверное, уже всем, кто провёл рядом с ним хотя бы минуту. И от этого ещё хуже. Потому что я не привыкла, чтобы мужчины так действовали на меня. Чтобы я ловила себя на том, что ищу его глазами. Чтобы я замечала, как он отходит, когда меня фотографируют. Чтобы мне было жаль, что он не стоит рядом.

Я снова поворачиваюсь к камерам. Улыбаюсь. Но теперь это другая улыбка. Более собранная. Более холодная. Я снова беру себя в руки. Снова становлюсь той, кого называют Ледяной Королевой. Той, кто не оглядывается. Той, кто не ждёт. Но, чёрт возьми, как же это трудно, когда он стоит в пяти метрах и смотрит на меня так, будто весь остальной мир — просто декорация.

— Всё, достаточно, — говорю фотографам, мягко, но с интонацией, не терпящей возражений.

Они кивают, опускают камеры. Я поправляю платье, провожу ладонями по бёдрам, разглаживая невидимые складки. И иду к нему. Сама. Не потому, что хочу. А потому, что не могу не.

Он замечает меня и выпрямляется. Ухмылка снова появляется на его лице, но теперь в ней есть что-то виноватое. Как у ребёнка, которого поймали за тем, что он подсматривал.

— Ты всегда так отходишь, когда меня снимают? — спрашиваю, останавливаясь напротив.

— Не хочу мешать.

— А если я хочу, чтобы мешал?

Он смотрит на меня. В его глазах вспыхивает что-то, отчего мне становится жарко. Но он не двигается. Просто стоит и смотрит.

— Тогда скажи, — говорит он. — И я буду рядом.

Я не отвечаю. Потому что не могу. Потому что внутри всё бурлит от того, как он на меня смотрит. И от того, что я, кажется, уже не хочу, чтобы он отходил. Ни на шаг. Ни на секунду. Но признавать это вслух — последнее, что я сделаю.

— Ты невыносимый, — говорю тихо.

— Ты уже это говорила.

— Потому что это правда.

— А по-моему, тебе нравится.

Я смотрю ему в глаза. Он не отводит взгляд.

Ветер меняется. Я чувствую это кожей раньше, чем замечаю, как дрожат листья в гирляндах. С реки тянет холодом — не резким, но настойчивым. Он пробирается под тонкую ткань платья, скользит по плечам, по спине, по открытой шее. Я не подаю вида, но внутри всё сжимается. Вечер был тёплым, но теперь ночь напоминает о себе, и воздух становится колким, как невидимые иглы.

Я стою у балюстрады, глядя на город, и вдруг чувствую тепло. Оно опускается мне на плечи, как мягкий, но тяжёлый покров. Я не сразу понимаю, что это. А когда понимаю, — уже поздно. Его пиджак. Большой, плотный, ещё хранящий тепло его тела. Он накинул его мне на плечи, даже не спрашивая. Молча. И этот жест — такой простой, такой неожиданный, такой... его.

Я оборачиваюсь. Он стоит сзади, на расстоянии вытянутой руки. В одной рубашке, с расстёгнутым воротом, с рукавами, закатанными до локтей. Ветер трогает его волосы, а он смотрит на меня так, будто не сделал ничего особенного. Пиджак пахнет им. Сандалом, цитрусом, чем-то тёплым и терпким. Этот запах обволакивает меня, забирается в лёгкие, в мысли, в самую глубину. И от него становится жарко, несмотря на холод.

— А ты? — спрашиваю.

— Я привык.

— К холоду?

— К тренировкам на морозе. И к тому, что женщина должна быть в тепле.

Я хочу сказать что-то резкое, но не нахожу слов. Пиджак висит на мне, как на вешалке. Рукава спускаются ниже запястий. Он огромный. Чужой. И удивительно удобный. Я поправляю лацканы, придерживаю ткань на груди, и на секунду мне кажется, что я в коконе, из которого не хочется выходить.

— Скажи, если будет холодно, — говорит он. — Я найду ещё что-нибудь.

— Ты уже отдал пиджак.

— Могу отдать и рубашку.

Я фыркаю. И ловлю себя на том, что улыбаюсь. Он стоит передо мной — большой, тёплый, невозможный — и улыбается в ответ. А потом... потом его нет.

Это происходит слишком быстро. Я отворачиваюсь буквально на секунду. Кто-то из гостей касается моего плеча, просит общий кадр, и я, вежливо улыбнувшись, поворачиваюсь

к камере. Вспышка. Ещё одна. Пара слов. Смех. А когда я снова смотрю туда, где он только что стоял, — там пусто.

Я не паникую. Не кручу головой. Просто медленно обвожу взглядом террасу. Люди, цветы, бокалы, свет. Его нет. Ни у бара, ни у изгороди, ни у входа. Я машинально поправляю пиджак на плечах — он всё ещё со мной, тёплый, чужой. Значит, он точно был здесь. Значит, я не придумала. Но куда он делся?

Я иду через толпу. Не быстро, но уверенно. Внутри — странное беспокойство, которое я отказываюсь называть своим. Просто интерес. Просто нужно понять, куда он ушёл. Просто... просто.

У выхода нахожу Лору. Мой менеджер стоит с телефоном у уха и жестом показывает, что освободится через минуту. Я жду. Пиджак всё ещё на мне. Я не снимаю его. Лора заканчивает разговор и поворачивается ко мне.

— Где все? — спрашиваю, не ходя вокруг да около.

— Разъезжаются, — говорит она, убирая телефон в сумочку. — Кто в отели, кто по домам. Водители уже на месте. Твой тоже.

— А гости? — уточняю. — Те, кто не местные?

— По отелям. Тут рядом несколько. Ты в каком?

Я называю отель. Она кивает.

— Там же, где половина приглашённых. Но многие уже уехали.

Я смотрю в сторону террасы. Там всё ещё горят гирлянды, всё ещё звучит музыка. Но людей стало меньше. И среди них — не видно его.

— Ты кого-то ищешь? — спрашивает Лора с лёгким прищуром.

— Нет, — отвечаю слишком быстро. — Просто уточняю.

Она не верит. Вижу по глазам. Но не спорит. Просто кивает и уходит к водителям, бросив через плечо:

— Машина будет у входа через десять минут.

Я остаюсь одна. Ветер снова налетает, но теперь мне не холодно. Его пиджак всё ещё согревает. Я запускаю руку в карман — машинально, не думая. Пальцы натываются на что-то гладкое. Маленькое. Я достаю. Это запонка. Металлическая, тяжёлая. Я сжимаю её в ладони и смотрю на неё, как на загадку.

Где же ты, боксёр?

Я не знаю, почему мне это важно. Но я понимаю, что не уеду, пока не верну его вещь. Или хотя бы не пойму, куда он исчез. Поэтому я выхожу к воротам. Не в его поисках. Просто подышать.

Номер встречает меня тишиной. Плотной, глубокой, как вода. Я закрываю дверь и на секунду замираю у порога, прислушиваясь к этой тишине. Она отличается от той, что была на террасе. Там — шум, вспышки, голоса, ветер. Здесь — только я, мягкий свет ламп у кровати и город за панорамным окном. Он всё ещё горит, но теперь кажется далёким, как картина на стене.

Я снимаю туфли. Ступни гудят после долгого вечера, и прохладный пол под ногами — почти блаженство. Прохожу в номер, не включая верхний свет. Мне хватает тёплой подсветки у изголовья и огней за окном. Бросаю клатч на стол. Потом стягиваю с плеч его пиджак. Ткань тяжёлая, плотная, ещё хранящая чужое тепло. На секунду задерживаю его в руках. Не потому, что хочу. Просто... задерживаю. А потом бросаю на спинку стула, не разглаживая, не поправляя. Пусть лежит. Он мне не нужен. Совсем.

Раздеваюсь медленно. Платье скользит вниз, оседает у ног чёрной лужицей. Я переступаю через него и оставляю прямо на полу. Утром заберут в химчистку. Или не заберут. Не важно. Сейчас важно только одно — смыть с себя этот вечер. Его запах. Его взгляды. Его ухмылку, которая, кажется, отпечаталась у меня под веками.

Ванная комната светлая, просторная, выложенная мрамором. Я включаю воду, не дожидаясь, пока она прогреется. Стою под струями, и холод постепенно сменяется теплом. Горячие потоки бьют по плечам, стекают по спине, по груди, по бёдрам. Я запрокидываю голову, позволяя воде собраться в волосах и утянуть их вниз. Пар поднимается, заполняет пространство, и всё вокруг становится мягким, размытым, почти нереальным.

Беру гель. Запах — белые цветы и что-то морское. Он успокаивает. Я наношу его на кожу, массируя плечи, шею, руки. Каждое движение медленное, тягучее. Смываю. Потом шампунь — густой, с ароматом миндаля. Волосы становятся тяжёлыми, гладкими. Я расчёсываю их пальцами под водой, позволяя струям распутать все узлы, которые накопились за день.

Выхожу из душа, заворачиваюсь в белый халат. Он мягкий, тёплый, пахнет свежестью. Я вытираю волосы полотенцем, но не до конца — оставляю влажными, чтобы они высохли естественно. Наношу на лицо сыворотку, крем. Кожа после пара влажная, нежная, и я двигаюсь аккуратно, без спешки.

Потом — маска. Тканевая, охлаждённая. Я достаю её из холодильника, расправляю на лице. Холод приятно касается щёк, лба, подбородка. Я закрываю глаза на пару секунд. Хорошо. Так хорошо, что можно наконец выдохнуть.

Телефон вибрирует. Я беру его с полки и прохожу в спальню. Ложусь на кровать, подкладывая подушку под спину. Экран светится, и я открываю чат.

Ирис: Ну что, ты в отеле?

Скарлетт: Да. Только из душа.

Марго: А он?

Скарлетт: Кто?

Ирис: Ха-ха. Тот самый, в чьём пиджаке ты уехала.

Скарлетт: Ты знаешь, я не уехала в его пиджаке. Он сам его накинул.

Грета: Значит, ты его не снимала?

Скарлетт: Просто забыла. В машине не до этого было.

Ливия: Ага, конечно. Забыла. А то, что ты его весь вечер не отшивала, это тоже забыла?

Скарлетт: Я просто не хотела скандала.

Ирис: Ну да, ну да. Выглядел он, кстати, так, будто готов сожрать тебя глазами.

Марго: Скорее уж наоборот. Он смотрел, как побитый пёс, которого впервые погладили.

Скарлетт: Вы преувеличиваете.

Грета: А пиджак? Что с ним?

Скарлетт: Лежит на стуле.

Ливия: И пахнет им?

Скарлетт: Я его не нюхала.

Ирис: Значит, понюхаешь.

Скарлетт: Спокойной ночи.

Марго: Подожди! Что завтра? У тебя есть планы?

Скарлетт: Съёмка в полдень. Потом встреча с Донателлой. Вечером — ужин с командой.

Грета: Значит, не увидимся?

Скарлетт: Увидимся. После всего.

Ливия: Скажи честно, ты хоть немного заинтересовалась?

Я смотрю на экран. Палец висит над клавиатурой. Потом я всё же печатаю.

Скарлетт: Нет. Он просто забавный. И всё.

Ирис: Ну-ну.

Марго: Ладно, спи. Завтра будет длинный день.

Грета: Если что, он, кажется, остановился в соседнем отеле.

Скарлетт: Откуда ты знаешь?

Грета: Так, слухи.

Скарлетт: Мне не интересно.

Грета: Конечно.

Я откладываю телефон. Экран гаснет. В номере снова тихо. Я лежу, глядя в потолок, и чувствую, как маска холодит лицо. Где-то на краю сознания — его лицо. Его ухмылка. Его пиджак, который сейчас на стуле. И я не думаю о нём. Совсем. Почти.

Поворачиваюсь на бок, подтягиваю одеяло выше. За окном — Нью-Йорк, который никогда не спит. И я тоже не сплю. Просто лежу.

Утро врывается в номер вместе с будильником. Я открываю глаза не сразу. Сначала — тишина, потом — осознание, что за окном уже светло, а впереди целый день, расписанный по минутам. Я лежу пару секунд, глядя на белый потолок, на блики, которые отбрасывают на него городские окна. Потом откидываю одеяло и спускаю ноги на пол. Прохладно. Приятно. Тело после сна лёгкое, отдохнувшее, и это радует.

Босиком иду в ванную. Пол под ногами гладкий, тёплый после ночи. Включаю воду, умываюсь. Ледяные капли прогоняют остатки сна. Смотрю в зеркало. Лицо чистое, свежее, без следов вчерашнего макияжа. Волосы растрёпаны, но это не важно. Сегодня их всё равно будут укладывать. Я наношу увлажняющий крем, лёгкую сыворотку. Движения быстрые, но аккуратные. Потом — тонкий слой тона, немного консилера под глаза, каплю хайлайтера на скулы. Я не крашусь так, как вчера. Сегодня достаточно лёгкости. Настоящий макияж будет позже, перед съёмкой.

Надеваю бельё — простое, чёрное, без кружев. Сверху — свободные брюки и белая рубашка. Расчёсываю волосы, собираю их в низкий пучок, но не тугой, чтобы не оставить заломов. Из зеркала на меня смотрит Скарлетт, которую ещё не видел никто. Спокойная, собранная, но без подиумного блеска. И это тоже я.

Потом мой взгляд падает на стул. На его пиджак. Он лежит, как брошенный флаг. Тяжёлый, чёрный, с широкими плечами. Я подхожу. Снимаю его со спинки. Ткань за ночь остыла, но всё ещё хранит едва уловимый запах. Я не хочу его вдыхать. Не хочу. Но мои руки уже направляют лацканы, уже несут его к шкафу, чтобы повесить на вешалку. Пусть висит. Заберу с вещами и верну. Это правильно. Это по-взрослому. Это не имеет к нему никакого отношения.

Я открываю дверцу шкафа, беру деревянную вешалку. Пиджак ложится на неё ровно, как будто так и было. Я уже собираюсь убрать его внутрь, как вдруг замираю. Руки не слушаются. Или слушаются, но не меня. Я подношу рукав к лицу. Всего на секунду. Один короткий вдох.

Запах. Его. Сандал, цитрус, кожа, что-то тёплое, как нагретое на солнце дерево. Он ударяет в ноздри, в голову, в грудь. И на секунду я снова там — на террасе, в его руках, в его пиджаке, в его взгляде. Это слишком. Слишком сильно. Слишком...

Я отстраняюсь. Резко. Почти грубо. Ладонь сама взлетает к лицу, и я шлёпаю себя по лбу. Не больно, но отрезвляюще. Закрываю глаза, качаю головой.

— Дура, — шепчу я. — Полная дура.

Вешаю пиджак в шкаф. Закрываю дверцу. Отхожу. В номере тихо, только где-то за окном гудит город. Я смотрю на свои ладони, на запястье, на то, как пульс бьётся чуть быстрее. Потом выпрямляюсь. Подхожу к зеркалу. Поправляю ворот рубашки. Провожу языком по губам. Всё. Хватит. Впереди — дела.

Телефон уже вибрирует на тумбе. Сообщения, звонки, планы. Я беру его, просматриваю. Лора прислала расписание. Водитель будет внизу через час. Надо успеть позавтракать. И перестать думать о том, чего нет.

Но у выхода я всё же останавливаюсь. Оборачиваюсь к шкафу. Взгляд задерживается на дверце, за которой остался его пиджак. Я не открываю её. Просто смотрю. А потом выхожу. И только когда дверь номера закрывается за моей спиной, я наконец выдыхаю. Свободно.

глава 4 Джейсон

Машина останавливается у входа в отель. Я выхожу первым, не дожидаясь, пока водитель откроет дверь. Ночной воздух прохладный, плотный, пахнет бензином и мокрым асфальтом. Я потягиваюсь, разминая шею, — вечер вымотал сильнее, чем я готов был признать. Марк выходит следом, поправляет рубашку, берёт свой кейс. Мы идём через стеклянные двери. Внутри — тишина, мягкий свет, мраморный пол, который отражает наши шаги. Пахнет лилиями и полиролью. Всё слишком чисто. Слишком пусто. И в этой пустоте я особенно остро чувствую, что не успел.

Не успел попрощаться. Не успел сказать. Да и что говорить? Она бы, скорее всего, закатила глаза, усмехнулась и ушла. Или не усмехнулась. Не знаю. С ней вообще трудно угадать. В этом и была вся соль. Она — как бой, который нельзя прочесть заранее: то ли уйдёшь победителем, то ли поймает удар, от которого потом долго звенит в ушах.

Мы поднимаемся в лифте. Марк молчит, я тоже. Я смотрю в зеркальную стену, но вижу не себя. Вижу её. Как она стояла у балюстрады, как ветер трогал её волосы, как она поправляла мой пиджак, висевший на ней, как на вешалке. Я не успел сказать, что пиджак пусть оставит. Что мне не жалко. Что я бы отдал и рубашку, если бы она замёрзла. Но не сказал. Просто исчез. Как идиот. Хотя, может, так и надо было. Не хватало ещё объяснять, почему я не могу отойти от неё весь вечер.

— Она тебе нравится, — говорит Марк, когда мы выходим из лифта.

Я не оборачиваюсь. Иду по коридору к своему номеру.

— Кто? — спрашиваю, хотя знаю.

— Скарлетт Вон.

Я достаю ключ-карту. Прикладываю к замку. Щелчок.

— Нравится, — отвечаю, не глядя на него. И не вижу смысла врать.

Марк останавливается у соседней двери. Я чувствую его взгляд на своём затылке. Он, как всегда, не спешит с выводами. Просто смотрит. Потом говорит, и в голосе его — не упрёк, а скорее осторожная ирония:

— То есть, когда я приду утром в твой номер, там не будет девушек, с которыми ты спал?

Я толкаю дверь и оборачиваюсь. Смотрю на него. Он стоит в тусклом свете коридора, с кейсом в руке и выражением человека, который давно перестал удивляться, но иногда всё же хочет проверить границы.

— Нет, — говорю. — Буду страдать под чашку какао, сидя на подоконнике под очень грустную музыку.

Марк улыбается. Не широко. Скупое. Так, как умеет только он. Потом качает головой и открывает свою дверь.

— Спокойной ночи, Джейк.

— Спокойной, — отвечаю и захожу к себе.

Номер встречает меня темнотой. Я не включаю верхний свет — только бросаю ключи на столик и прохожу к окну. За стеклом — Нью-Йорк. Он не спит. Он вообще, кажется, никогда не спит. Огни мигают, переливаются, гудят. Я стою, опираясь ладонями на подоконник, и смотрю вниз. Где-то там, в другом отеле, — она. Может, тоже смотрит в окно. А может, уже спит. Вряд ли. Ей, как и мне, наверное, не до сна.

Я стягиваю с себя рубашку. Бросаю на стул. Брюки — следом. Иду в душ. Вода сначала горячая, потом почти ледяная. Стою под ней, уперев ладони в кафель. Холод пробирается под кожу, остужает голову, смывает остатки вечера. Хорошо. Так легче.

Потом — полотенце, темнота, кровать. Ложусь на спину, закидываю руку за голову. Смотрю в потолок. Думаю о том, что завтра снова буду в самолёте. И что, возможно, больше никогда её не увижу. И от этой мысли внутри что-то сжимается. Не больно. Но ощутимо. Как удар, который ещё не нанесли, но я уже знаю, куда он придёт.

Я не влюбился. Нет. Но я и не отпустил. И это, наверное, хуже. Потому что теперь её голос будет звучать у меня в голове. Её ухмылка, её «богиня с небес», её взгляд, который она так старательно делала холодным. А я, как последний дурак, буду помнить, как она пахнет. Розами и морем. И как её волосы рассыпались по моим рукам.

Переворачиваюсь на бок. Закрываю глаза. Сна нет.

Просыпаюсь рано. Без будильника. Просто открываю глаза, и сон уходит, как волна от берега. В номере полумрак, за окном — серое утро, город в дымке. Слышно, как где-то внизу шумят первые машины, как гудит лифт за стеной. Я не валяюсь. Встаю сразу. Босыми ногами на пол, пара секунд, чтобы проснуться окончательно. Потом — на ковёр.

Отжимания. Медленно, с полной амплитудой. Тело ещё тёплое после сна, но мышцы уже помнят, что такое нагрузка. Опускаюсь до конца, чувствую, как грудь почти касается пола, поднимаюсь, выдыхаю. Раз. Два. Три. Сбиваюсь со счёта и начинаю снова. Сорок. Пятьдесят. По спине течёт пот, но это правильно. Это моё утро. Мой ритуал. День не начнётся, пока я не заставлю тело работать.

Потом — пресс. Ложусь на спину, сцепляю руки за головой, поднимаю корпус. Пахнет чистым бельём и едва уловимым запахом вчерашнего геля для душа. Я дышу ровно, не сбиваюсь. Пятьдесят. Шестьдесят. Мышцы начинают гореть, но это приятная боль. Я люблю её. Она напоминает, что я жив и что всё ещё в форме.

После — бурпи. Короткие, резкие. Номер большой, места хватает. Я двигаюсь, как на тренировке, без музыки, без тренера. Просто я и пол. Я и воздух, который с каждым повторением становится горячее. Заканчиваю, когда пульс разгоняется до глухих ударов в ушах.

Иду в душ. Стою под горячей водой, уперев ладони в стену. Вода смывает пот, уносит усталость. Потом холод. Резкий, бодрящий. Заканчиваю ледяной, чтобы кожа горела, а голова стала ясной. Вытираюсь, натягиваю спортивные штаны и футболку. Волосы влажные, но сейчас не до них.

Выхожу на балкон. Утро встречает меня сырым воздухом и тихим гулом города. Я опираюсь на перила, смотрю вниз. Машины, люди, светофоры. Всё движется. И я тоже должен. Но рука сама тянется к карману. К пустому карману. Там, где когда-то лежала пачка. Привычка. Старая, как шрам. Я бросил, но иногда, вот как сейчас, ловлю себя на том, что пальцы ищут сигарету. На балконе, с видом на город, с тишиной внутри — слишком идеально, чтобы не закурить.

Не курю. Просто сжимаю кулак. Разжимаю. Достая телефон.

Экран загорается. Я открываю браузер. Палец висит над строкой. Потом сам печатает: «Скарлетт Вон». И нажимает поиск.

Страница загружается мгновенно. Фото, заголовки, статьи. Я листаю. Не потому, что ищу что-то конкретное. Просто... смотрю. Она везде. Обложки, интервью, подиумы. Её лицо — как отдельный вид искусства. Я задерживаюсь на одном из снимков: она стоит у окна, в чёрном платье, волосы распущены, взгляд — холодный, как у кошки. Я помню этот взгляд. Видел вчера. Только вчера он был чуть теплее.

Ищу информацию. Не замужем. Отлично. Впрочем, я и так знал. Кольца на пальце не было. Я заметил. Не то чтобы я специально смотрел. Просто... заметил. Не в отношениях. Это уже интереснее. Никого. Или, по крайней мере, никто не заявлен. Я откидываюсь на спинку стула, на котором сижу, и провожу ладонью по лицу. Вот это здорово. Это, чёрт возьми, действительно хорошая новость.

Листаю дальше. Расписание. Съёмки, показы, города. Смотрю, где она будет. Лондон. Через три дня. Потом Милан. Потом Париж. Я прокручиваю назад, к ближайшим датам. Лондон. У меня как раз пара свободных дней перед следующим сбором. Я не строю планов. Но что-то внутри щёлкает. Как перед боем, когда знаешь, что соперник допустил ошибку, и надо просто дождаться момента.

Я откладываю телефон. Смотрю на город. Утро уже вступило в силу. Где-то там, в другом отеле, она, возможно, тоже уже не спит. Я не знаю, увидимся ли мы снова. Но теперь я знаю, где её искать.

Марк приходит, когда я уже успеваю принять душ и натянуть спортивные штаны. Стучит коротко, по-деловому, и входит, не дожидаясь ответа. Я стою у окна с телефоном в руке, но, услышав его шаги, убираю его в карман. Не потому, что скрываю. Просто не хочу лишних вопросов. Хотя с Марком это, конечно, бесполезно.

— Собирайся, — говорит он с порога. — Через два часа выезжаем в аэропорт.

Я оборачиваюсь. Он стоит в дверях, свежий, как утренняя газета, в светло-серой рубашке и с неизменным кейсом. Я смотрю на него, потом снова отворачиваюсь к окну.

— А мы можем в Лондон полететь раньше? — спрашиваю.

Пауза. Я слышу, как он делает шаг вперёд, как ставит кейс на стол.

— Нам туда через неделю, — говорит он спокойно.

— Теперь нам туда через три дня.

Марк молчит. Я знаю, что он сейчас смотрит на меня. И знаю, что он уже мысленно перебирает билеты, графики, обязательства. Он всегда так делает — сначала просчитывает, потом спорит.

— Ты никогда не хочешь заранее пойти куда-то, — произносит он наконец. — Что случилось?

Я не оборачиваюсь. Смотрю на город. Он всё ещё в дымке, но уже просыпается окончательно. Машины, люди, суета. Я бы сбежал отсюда прямо сейчас, если бы мог. И, кажется, я и правда собираюсь это сделать.

— Хочу плакать под дождём, — отвечаю.

Марк улыбается. Я слышу это по его голосу, когда он говорит:

— Хорошо. Поменяю билеты. Но учти: если ты собрался в Лондон ради неё, то хотя бы не попади в заголовки.

Я усмехаюсь. Молча. Он ещё пару секунд стоит, потом разворачивается и выходит. Дверь закрывается с тихим щелчком. Я остаюсь один.

Одеваюсь быстро. Спортивные кроссовки, тёмные джоггеры, футболка, сверху — лёгкая ветровка. Достая из сумки кепку. Чёрную, с низким козырьком. Надеваю, прячу глаза. Телефон — в карман. Наушники — в уши. Музыки не включаю. Просто вставляю, чтобы не подошли. Выхожу из номера.

Улица встречает меня влажным воздухом. Дождя нет, но всё вокруг пахнет им: асфальт, листья, камни. Я разминаю шею, пару раз подпрыгиваю, разгоняя кровь. Потом — бегом. Сначала медленно, потом быстрее. Кроссовки глухо стучат по тротуару. Город летит мимо: витрины, светофоры, машины, лица. Я не смотрю по сторонам. Бегу.

Дыхание выравнивается, сердце стучит ровно. Внутри — тишина, которая всегда приходит во время бега. Та самая, ради которой я и выхожу. Ни мыслей, ни планов. Только ритм. Только ноги, только воздух, который врывается в лёгкие и выходит паром.

Пробегаю набережную, сворачиваю в парк. Людей уже много. Кто-то с собакой, кто-то с кофе, кто-то такой же бегущий, как я. Я ускоряюсь. Кепка намокает от пота, футболка липнет к спине. Хорошо. Так и надо.

Думаю о Лондоне. О том, что через три дня буду там. О том, что, может быть, увижу её. Случайно. Или не случайно. Это не план. Это просто... возможность. Я не тот, кто бежит за женщинами. Но и не тот, кто упускает. А она — не женщина, которую можно просто выбросить из головы. Я не знаю, что будет дальше. Но я хочу выяснить.

Бег заканчивается у отеля. Я останавливаюсь, упираюсь ладонями в колени, дышу. Пот катится по лицу, по шее. Снимаю кепку, провожу рукой по волосам. Возвращаюсь в номер. Там тихо. Я смотрю на часы. Через час — выезд. Значит, скоро.

Я собираю вещи быстро. Не потому, что тороплюсь. Просто не люблю, когда сборы растягиваются. Всё, что мне нужно, уместается в одну сумку: спортивная форма, пара футболок, джинсы, толстовка, бельё, кроссовки. Костюм из шкафа не беру — его заберёт Марк. Пиджак, кстати, не спрашивает. Он всё понял ещё вчера. И, судя по тому, как он смотрел на меня утром, — он вообще понял больше, чем я сказал.

Через час мы выезжаем в аэропорт. Машина мягко катит по улицам. Я сижу сзади, смотрю в окно. Нью-Йорк остаётся за спиной — мокрый, серый, огромный. Я не прощаюсь

с ним. Он мне никто. Просто город, в котором я встретил её. Но, может, именно поэтому он теперь не кажется таким уж чужим.

В аэропорту мы почти не разговариваем. Марк снова в телефоне, я — без. Просто иду рядом, руки в карманах. Настроение странное. Спокойное. Даже довольное. Лондон уже не кажется далёким. Он ближе, чем был вчера. И, чёрт возьми, я рад, что лечу туда раньше.

В самолёте садимся в первый класс. Я опускаюсь в кресло, откидываю спинку, вытягиваю ноги. Марк рядом, сразу достаёт ноутбук. Я беру наушники, но не включаю. Просто сижу, слушаю, как гудят двигатели. Стюардесса приносит напитки. Я беру воду. Потом еду. Обычный самолётный ужин: что-то с курицей, овощи, рис. Я ем спокойно, не глядя по сторонам. И вдруг чувствую на себе взгляд.

Поднимаю голову. Марк смотрит на меня. Не на ноутбук. На меня. И в этом взгляде — та самая ирония, которую я знаю наизусть.

— Что? — спрашиваю, прожёвывая. — Почему ты так смотришь?

Он выдерживает паузу. Потом говорит:

— Только что пришла симпатичная девушка. Стюардесса. А ты даже не флиртовал.

Я откладываю вилку. Смотрю на него с лёгким недоумением.

— Я, по-твоему, настолько бабник?

Марк усмехается. Негромко, уголком рта.

— Думаю, ты лучше знаешь, — говорит он. — Забыл, сколько фото в интернете?

Я откидываюсь на спинку. Вздыхаю.

— Ты как ворчливый отец.

— Просто удивляюсь. Раньше ты бы уже спросил, как её зовут. Или хотя бы улыбнулся.

— Раньше — да.

— А теперь?

— А теперь я ем курицу.

Марк качает головой, но улыбается. Я вижу, что он не злится. Ему скорее забавно. И, может, даже приятно. Хотя он вряд ли признается.

— Знаешь, — говорит он, возвращаясь к ноутбуку, — если ты собрался в Лондон ради Скарлетт, то хотя бы не наделай глупостей.

— Я не делаю глупостей.

— Ты уже поменял билеты ради женщины, с которой провёл один вечер.

— И что?

— Ничего. Просто констатирую.

Я не отвечаю. Смотрю в иллюминатор. Небо за стеклом — ровное, белое, бесконечное. Мы летим.

Я доедаю. Аккуратно складываю вилку на край тарелки, откидываюсь в кресле. Сытость приятная, тяжёлая. Двигатели гудят ровно, и этот гул, как белый шум, начинает убаюкивать. Я натягиваю кепку на лицо, козырёк ложится на переносицу. Темно. Тихо. Можно попробовать поспать.

Но не спится. Я лежу с закрытыми глазами, прислушиваюсь. В салоне первого класса пусто и тихо. Слишком тихо. Такая тишина, в которой начинают звенеть собственные мысли. А они сейчас не самые спокойные. Они крутятся вокруг неё. Вокруг Лондона. Вокруг того, что я вообще здесь делаю. Хотя я знаю, что делаю. И это уже не просто любопытство.

Я не хочу об этом думать. Поэтому начинаю мурлыкать себе под нос. Сначала тихо, почти беззвучно. Потом громче. Какая-то старая песня, которую я слышал ещё пацаном. Слова путаются, но ритм правильный. Я отбиваю его пальцами по подлокотнику. Кепка по-прежнему на лице. Мне хорошо. Даже весело.

— Напомни, сколько тебе лет? — раздаётся рядом.

Я не двигаюсь. Улыбаюсь под кепкой.

— Даже в восемьдесят я буду весёлым, — говорю. — А не ворчать, как некоторые.

Марк вздыхает. Я слышу, как он закрывает ноутбук, как ставит стакан с водой на столик. Тишина. Потом он говорит:

— В восемьдесят ты будешь петь в самолёте?

— Обязательно. И, может, даже станцюю.

— Бедные стюардессы.

— Они будут в восторге.

Марк смеётся. Коротко, сдержанно. Но я знаю, что ему смешно. Он вообще умеет смеяться, просто прячет это за серьёзным лицом. Я убираю кепку, поворачиваюсь к нему. Он смотрит на меня, качает головой.

— Иногда я не понимаю, как ты вообще стал чемпионом.

— Потому что в ринге я серьёзный. А вне — живой.

— Вне ринга ты — ходячее недоразумение.

— Спасибо. Приятно.

Он снова усмехается. Я устраиваюсь удобнее, закидываю руки за голову. Сон всё-таки подступает. Медленно, как тёплая волна. Я закрываю глаза. Гул двигателей обволакивает, и я наконец проваливаюсь. Без снов. Без мыслей. Только темнота и покой.

Лондон ближе.

Мы прилетаем в Лондон поздно вечером. Небо низкое, серое, город встречает нас сыростью и запахом дождя, который, кажется, не прекращается здесь никогда. Я выхожу из самолёта, втягиваю носом прохладный воздух. Лондон пахнет мокрым асфальтом, старым кирпичом и чем-то сладковатым, как прелые листья. Необычно. Но не отталкивает.

Марк снова решает всё за нас. Машина, отель, регистрация. Я просто иду рядом, сжимая ручку сумки. Голова немного тяжёлая после перелёта, но в целом — нормально. Внутри спокойно. Даже слишком. Как будто я уже всё решил и теперь просто жду, когда это произойдёт.

Отель — тихий, спрятанный в переулке недалеко от Мэйфера. Номер просторный, но меньше, чем в Нью-Йорке. Мне нравится. Меньше лишнего — меньше мыслей. Я скидываю обувь, бросаю сумку на пол, подхожу к окну. Внизу — мокрые крыши, черепица, тёмные окна. Где-то за ними — город, который я пока не знаю. И где-то в этом городе — она.

Завтра. Мероприятие. Я узнал об этом ещё в Нью-Йорке, когда листал её расписание. Она будет там. Значит, и я должен быть. Марк сказал, что вход по приглашениям, и что он всё устроит. Не спрашивал, зачем. Просто кивнул. Я это ценю. Он умеет держать лицо и не задавать лишних вопросов. Даже когда я сам не до конца понимаю, что делаю.

Через неделю бой. Это важно. Главное. Я должен быть в форме, собранным, с холодной головой. Но сейчас в голове — не соперник, не тренировки. В голове — она. И это плохо. Или наоборот. Не знаю. Бой — это то, что я умею. А с ней я не знаю вообще ничего. И, возможно, именно поэтому меня тянет туда сильнее.

Я не строю планов. Просто хочу её увидеть. Ещё раз. Ближе. Услышать её голос не в шуме вечера, а в обычной тишине. Понять, права ли она была, когда называла себя богиней. И проверить, не придумал ли я её за эти два дня.

Завтра. Я смотрю на город, засунув руки в карманы. Лондон молчит.

Утро начинается с того, что Марк вваливается в мой номер с чехлом в руках и с выражением лица человека, который вот-вот сделает тебе больно. Я стою у окна, пью воду, смотрю на серый Лондон. Не оборачиваюсь. Мне и так ясно, что он пришёл не с добрыми новостями.

— Костюм, — говорит он, кладя чехол на кровать. — Надень.

— Уже есть, — отвечаю.

— Это другой. Лучше.

Я оборачиваюсь. Марк расстёгивает чехол, достаёт пиджак. Тёмно-серый, почти графитовый. Ткань плотная, матовая. Видно, что дорогая. Я смотрю на это без восторга, но и без отвращения. Костюм — ладно. Переживу.

А потом он достаёт бабочку.

Я замираю. Смотрю на неё, как на личного врага. Маленькая, чёрная, блестящая. Дурацкая. Хуже не придумаешь.

— Нет, — говорю.

— Это дресс-код.

— Тогда я не иду.

— Идешь.

— Тогда иду без неё.

Марк вздыхает. Держит бабочку между пальцами, как будто это не кусок ткани, а билет в высшее общество.

— Джейк, это формальность. Ты не обязан любить её.

— Я не обязан и носить.

— Ты наденешь костюм, — говорит он тоном, не терпящим возражений. — А бабочку — как хочешь. Но хотя бы не выгляди, как будто тебя привезли сюда насильно.

— Меня и привезли насильно.

— Ты сам попросил лететь раньше.

Я замолкаю. Крыть нечем. Он прав. Я сам. Из-за неё. Но вслух этого не скажу.

Выхожу из номера через полчаса. В костюме. Без бабочки. Вместо неё — чёрный галстук, который я затащил так, будто он был частью моего плана с самого начала. Марк смотрит на меня, но ничего не говорит. Только качает головой и открывает дверь.

Машина уже ждёт. Мы едем через Лондон. За окном — узкие улицы, старые дома, мокрые тротуары. Всё какое-то приглушённое, строгое. Даже свет фонарей здесь другой — холодный, словно разбавленный туманом. Я смотрю на город и думаю, что он похож на неё. Красивый, но непрístupный. И, кажется, он тоже не рад тем, кто приходит без приглашения.

Но у нас приглашения теперь есть. Марк всё устроил. Как всегда. Я не спрашивал, откуда. Просто принял, как данность. Вход по спискам. Нас ждут. Здорово. Хотя внутри — ни намёка на радость. Только странное, тянущее чувство, от которого не отделаться.

Я делаю вид, что я здесь не из-за девушки. Даже самому себе вру. Ну, почти. Но когда мы входим в зал, когда я вижу толпу, свет, эти лица, — всё это на секунду перестаёт существовать. Потому что я вижу её.

Она стоит в центре. В длинном красном платье, которое обнимает её, как жидкий огонь. Локоны — светлые, платиновые — мягкими волнами спускаются на плечи, на спину, вниз, до самой талии. Она поворачивает голову, и свет падает на её скулы, на эти невозможные глаза, на алые губы. Она не идёт. Она плывёт. И вокруг неё — люди, цветы, бокалы, но всё это меркнет. Как будто кто-то выключил весь мир, оставив только её.

Я стою, как вкопанный. Сжимаю руки в карманах. Сердце бьётся глухо, ровно, но где-то внутри всё переворачивается. Я думал, что хочу её увидеть. Но я не думал, что это будет так. Так сильно. Так оглушающе.

Марк что-то говорит рядом, но я не слышу. Я смотрю на неё.

глава 5 Скарлетт

Я стою в центре зала, и вокруг меня — десятки людей. Мой менеджер Лора держится слева, агент София — справа, за моей спиной — несколько моделей, с которыми мы работали на последнем показе. Все улыбаются, поправляют волосы, сжимают бокалы. Свет мягкий, тёплый, льётся с высоких потолков, отражается от мраморного пола и хрустальных подвесок. Пахнет розами, воском и чужими дорогими духами. Я слышу щелчки камер, обрывки разговоров, смех. Всё, как всегда. Всё, что я знаю наизусть.

Я поворачиваюсь для очередного кадра. Знаю, как встать, куда наклонить подбородок, как улыбнуться так, чтобы свет упал на скулы. Красное платье струится по телу, как расплавленный рубин. Оно длинное, с глубоким вырезом на спине, с тонкими бретелями, которые почти не видны. Волосы уложены мягкими локонами, они падают на плечи и на голую спину, и я чувствую их прохладу каждый раз, когда поворачиваю голову.

Очередная вспышка. Ещё одна. Я смотрю прямо в объектив, но что-то тянет мой взгляд в сторону. Какое-то движение, силуэт, который выбивается из общей массы. Я поворачиваюсь. И замираю.

Он стоит у дальнего края зала, возле колонны. Джейсон. Джейк. Молот. В сером костюме, который сидит на нём так, будто его шили прямо на теле. Графитовый пиджак обтягивает плечи, подчёркивая их ширину. Рубашка белая, ворот расстёгнут на одну пуговицу. Галстук

чёрный, затянут ровно, но без той идеальности, с которой носят его люди из мира, где он сейчас находится. Он выглядит... чужим. Но до безумия притягательным.

Волосы у него растрёпаны. Как будто он только что провёл по ним рукой, откидывая пряди со лба, а они всё равно упали обратно. Тёмные, почти чёрные, с каштановым отливом, который вспыхивает в тёплом свете. Одна прядь падает на лоб, касается брови. Он не поправляет. Стоит, засунув одну руку в карман, и смотрит на меня.

Его лицо — резкое, мужественное, с острыми скулами и твёрдой линией челюсти. Я вижу его даже отсюда. Вижу, как он чуть щурится, как сжимает губы, как его кадык двигается, когда он сглатывает. В этом сером костюме, в этом чужом для него месте, он кажется ещё больше, чем был в Нью-Йорке. Ещё опаснее. Ещё более... моим? Нет. Не моим. Просто слишком заметным. Слишком.

Он стоит у колонны, и вокруг него — пустое пространство, будто люди инстинктивно не решаются подойти слишком близко. Аура у него и правда подавляющая. Тяжёлая. Она заполняет воздух, как перед грозой. Я чувствую его взгляд. Он не отводит. И я не отвожу.

Камеры продолжают щёлкать, но я их больше не слышу. Голоса стихают, гул отдаляется. Остаётся только он. Его тёмные волосы, его широкие плечи, его серый костюм, его руки — большие, с выступающими венами, которые я помню по вчерашнему вечеру. Я помню, как он ловил меня. Как держал. Как его пальцы сжимались на моей талии. И теперь всё это возвращается. Как прилив. Как удар.

— Скарлетт, ещё один кадр, — слышу голос фотографа.

Я не сразу реагирую. Потом медленно поворачиваюсь к объективу. Улыбаюсь. Но чувствую, как щёки горят. И это не от света. Это от него. От того, что он здесь. В Лондоне. В том же зале. Через два дня после того, как я решила, что больше его не увижу.

Он не двигается. Просто стоит и смотрит. И в этом взгляде — всё. Удивление. Удовольствие. Наглость. И что-то ещё, чего я не хочу называть. Что-то, от чего у меня внутри всё сжимается в тугий узел.

— Ты знаешь, кто это? — тихо спрашивает Лора, наклонившись к моему уху.

— Знаю, — отвечаю я, не поворачивая головы.

— Он смотрит на тебя с того момента, как вошёл.

— Пусть смотрит.

Но мой голос звучит не так уверенно, как я хотела бы. Лора, кажется, это замечает, но молчит. А я снова поворачиваюсь к нему. Наши взгляды встречаются. И на его губах появляется та самая ухмылка. Медленная, наглая. С ямочкой на левой щеке. Он поднимает бокал в немом приветствии. Я не отвечаю. Но уголок моих губ предательски дёргается вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.